

РОВОСЧИК 3
1981

РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

Март, 1981, № 3

ГЕРОИ И АВТОРЫ ЭТОГО НОМЕРА —
УЧИТЕЛЯ, ВРАЧИ, ЖУРНАЛИСТЫ,
СТУДЕНТЫ, СОЛДАТЫ — ЛЮДИ
НОВОГО, СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО МИРА.
ВДАЛИ ОТ РОДИНЫ ОНИ ВЫПОЛНЯЛИ
СВОИ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ ДОЛГ.
ОБ ЭТОМ — ДНЕВНИКИ, ОЧЕРКИ,
ВОСПОМИНАНИЯ

На первой странице обложки: Ангола. 400 лет колониального рабства. Десятилетия самоотверженной борьбы за независимость и свободу и, наконец, победа. Победа правого дела ангольских патриотов. Сегодня Ангола строит новую жизнь, новое будущее для своего народа, для своих детей. Снимок, который вы видите на первой странице обложки, корреспондент «Правды» Валерий ВОЛКОВ назвал так: «Дочь новой Анголы».

4. СМОТРИТЕ!

- 6. М. Бергер. ДО РАБОТЫ 13 300 КИЛОМЕТРОВ
- 10. Габриэль Гарсиа Маркес. ЛЮДИ, ВЫПОЛНИВШИЕ СВОЙ ДОЛГ
- 14. А. Слёзова. ДИАЛОГИ С МОХАССЭЛИН
- 18. М. Дадимов. ПОСЛЕ ТОГО, КАК ЛЮДИ ВЫЖИЛИ
- 21. Ян Кашпар. НИКАРАГУАНСКИЙ ДНЕВНИК
- 24. Рэй Брэдбери. ШОССЕ. ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ
- 26. ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...
- 28. Н. Чугунова. ОЧЕНЬ КОРОТКАЯ ПРОГРАММА

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ, А. С. ГРАЧЕВ, В. А. ГУСЕЙНОВ, М. А. ДРОБИШЕВ, А. А. КАВЕРЗНЕВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, С. Н. КОМИССАРОВ (зам. главного редактора), В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (ответственный секретарь), Б. А. СЕНЬКИН.

Художественный редактор **О. С. Александрова**
Оформление И. М. Неждановой
Технический редактор А. Т. Бугрова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а.
Телефон 285-89-78. Рукописи не возвращаются.
Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 19.01.81. Подп. к печ. 26.02.81. А01334.
Формат 84×108¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36.
Уч.-изд. л. 5,3. Тираж 1 220 000 экз. Цена 25 коп.
Заказ 2134.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Суцеская ул., 21.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

КАБУЛ. Важным событием в жизни молодого поколения республики стала общенациональная конференция Демократической организации молодежи Афганистана, на которой были определены ее задачи, утверждены устав, знамя, значок и членские билеты ДОМА. Особое внимание ДОМА уделяет работе с пионерами. В частности, недавно был создан первый в стране пионерский лагерь, открыт Дворец пионеров в Кабуле. Члены ДОМА помогают афганским юношам и девушкам овладеть грамотой, получить профессию. Верным помощником и другом молодежи Афганистана стала газета «Дарафше джаванан» («Знамя молодежи») — орган ДОМА. Она начала издаваться не так давно, но уже завоевала признание среди различных слоев молодежи.

На снимке: активисты газеты на улицах Кабула.

ПАРИЖ. По данным ЮНЕСКО, на 1980 год в мире насчитывается 814 миллионов неграмотных. Число их за десять лет увеличилось на 57 миллионов. Лишь 72 процента детей в возрасте от шести до одиннадцати лет ходят в школу, это значит, что 130 миллионов мальчиков и девочек не имеют возможности учиться.

ГАВАНА. Как сообщает кубинская печать, за последние пять лет на Кубе построено больше школ, чем за семьдесят предыдущих. В первые годы после революции дети и взрослые занимались где придется: в особняках бежавших из страны капиталистов, в бывших казармах и даже под открытым небом. Сейчас построены сотни школ, учебные кабинеты оборудованы самой современной аппаратурой. Учащиеся бесплатно получают учебники, тетради, все необходимые пособия.

На снимке: эти девушки — будущие учителя — придут работать в новую школу.

ПРАГА. На городской станции юных техников в Праге организован кружок кибернетики и микроэлектроники, в котором занимаются ребята десяти-пятнадцати лет. И хотя многие из них еще далеко не в совершенстве овладели законами физики и алгебры, все они с увлечением конструируют такие чудеса современной техники, как самопрограммирующаяся метла или микрокалькулятор, проявляя чудеса смекалки и изобретательности, которым подчас могут позавидовать специалисты.

На снимке: юные кибернетики на занятиях кружка.

ТОКИО. На страницах японских детских журналов, среди картинок и рассказов о школьной жизни все чаще появляются красочные фотографии военной техники. А летом, накануне каникул, многие японские школьники получают листовки с призывом «отдохнуть» в военизированных лагерях так называемых сил самообороны, где можно «прокатиться на «джипе», на вертолете и пострелять из автомата». Десятки тысяч школьников уже побывали во время летних каникул на 47 военных базах. Столь явная пропаганда милитаризма вызывает все большую тревогу демократической общественности Японии.

МОСКВА. По приглашению Студенческого совета СССР в нашей стране побывала делегация Всеобщего союза палестинских студентов (ГУПС). В Союз входит около 80 тысяч студентов из самых различных слоев населения. Цели, которые ставит перед своими членами ГУПС, близки и понятны каждому палестинцу: борьба против империализма, сионизма и реакции, за создание национального государства. Во время встреч, состоявшихся в Студенческом совете и КМО СССР, обсуждались вопросы дальнейшего развития двусторонних отношений, положение в международном студенческом движении.

ЛУАНДА. Ангольские юноши и девушки под руководством организации Молодежь МПЛА — Партии труда (ЖМПЛА), насчитывающей более 50 тысяч членов, активно участвуют в претворении в жизнь решений первого съезда МПЛА — Партии труда. Особенно велика их роль в развитии сельского хозяйства страны: они осваивают профессии механизаторов, помогают убирать урожай на кофейных и хлопковых плантациях, кукурузных полях. В самых отдаленных районах работают молодежные бригады медиков и учителей. Еще один важный участок работы ангольской молодежи — восстановление разрушенных войной городов, ликвидация городских трущоб и строительство новых жилых домов для тысяч и тысяч ангольцев.

Поддерживая проведение в Анголе кампании по ликвидации неграмотности, Международный союз студентов издал и предоставил членам ЖМПЛА миллион сто тысяч экземпляров учебных пособий, которые помогут ангольцам в освоении грамоты.

СОФИЯ. В Народной Республике Болгарии большое внимание уделяется воспитанию детей дошкольного возраста. В стране больше тысячи яслей и около семи тысяч детских садов, построенных по типовым проектам, которые год от года совершенствуются. Но дело не только в просторных и светлых зданиях. В яслях и детских садах малыши впервые соприкасаются с азами великой науки дружбы и жизни — любия.

На снимке: смысл этого рисунка понятен каждому без слов: «Пусть всегда будет солнце!»

КОПЕНГАГЕН. Более двадцати тысяч школьных учителей приняли участие в забастовке протеста, которая охватила всю страну. Учителя требовали у правительства отменить решение о сокращении заработной платы и ассигнований на нужды образования.

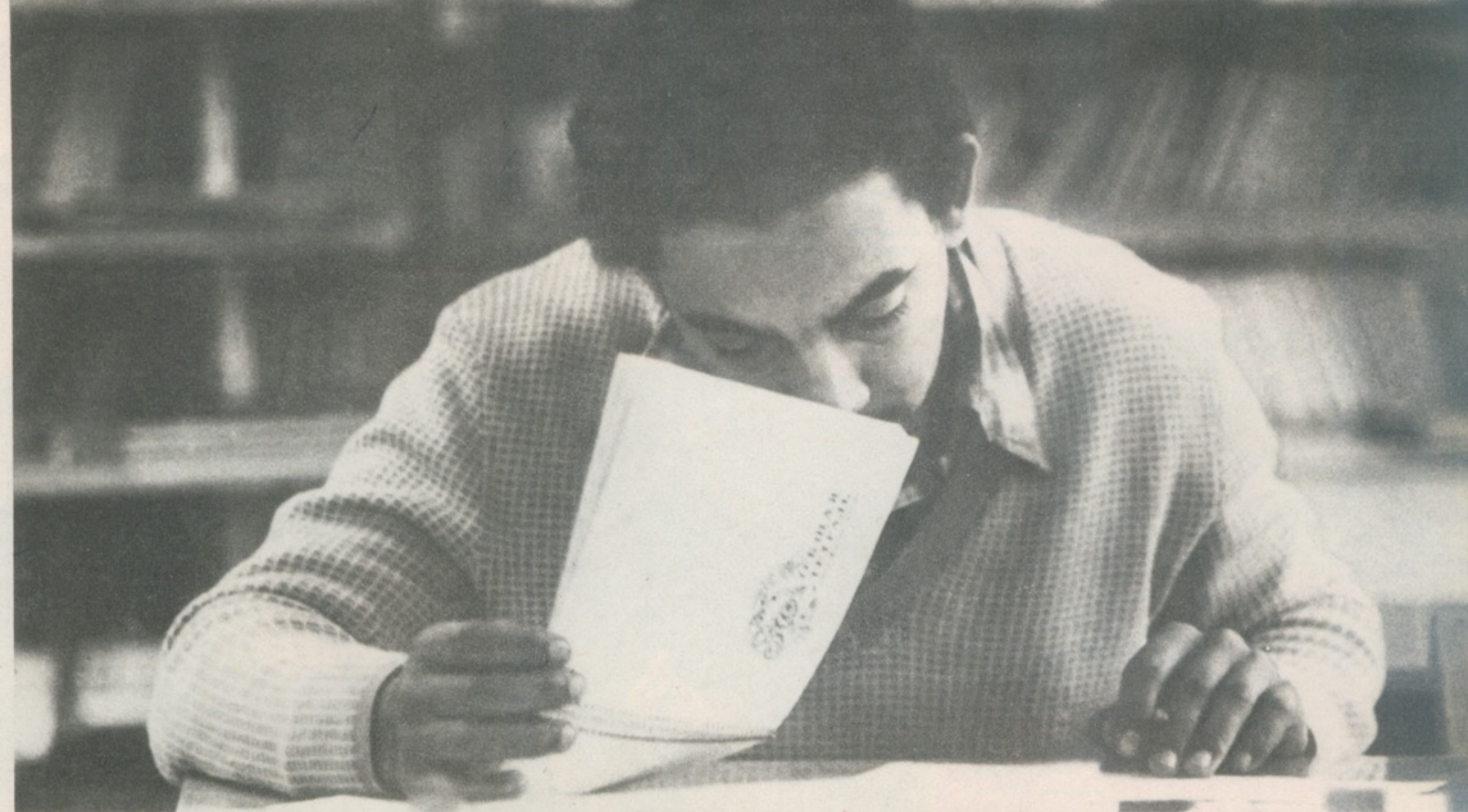
БЕЛГРАД. «Радость Европы» — так называется европейская встреча детей, которая каждый год проводится в югославской столице. На этот раз в Белграде собрались пионеры и школьники из 12 стран. Во время встречи юные представители Европейского континента выступили с концертами. Программа праздника включала также демонстрацию фильмов о жизни и культурных достижениях стран, из которых приехали гости.

НЬЮ-ИОРК. Как сообщает газета «Дейли уорлд», в некоторых школьных библиотеках США введен запрет на целый ряд книг для юношества. В «черный список» попали, например, повесть известного американского писателя Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи», произведения американцев африканского происхождения, рассказывающие о судьбе «цветных», разоблачающие расовую дискриминацию в Соединенных Штатах.

смотрим!

На фотографиях этого разворота обычный учебный день в Московском полиграфическом институте. В лабораториях, мастерских и классах идут обычные занятия. Да и состав студентов здесь обычный, такой же, как и во многих других вузах нашей страны: вместе с советскими студентами готовятся стать полиграфистами высокой квалификации юноши и девушки из Эфиопии, Венгрии, Монголии, Болгарии, Коста-Рики, Вьетнама, Кубы, ЧССР.

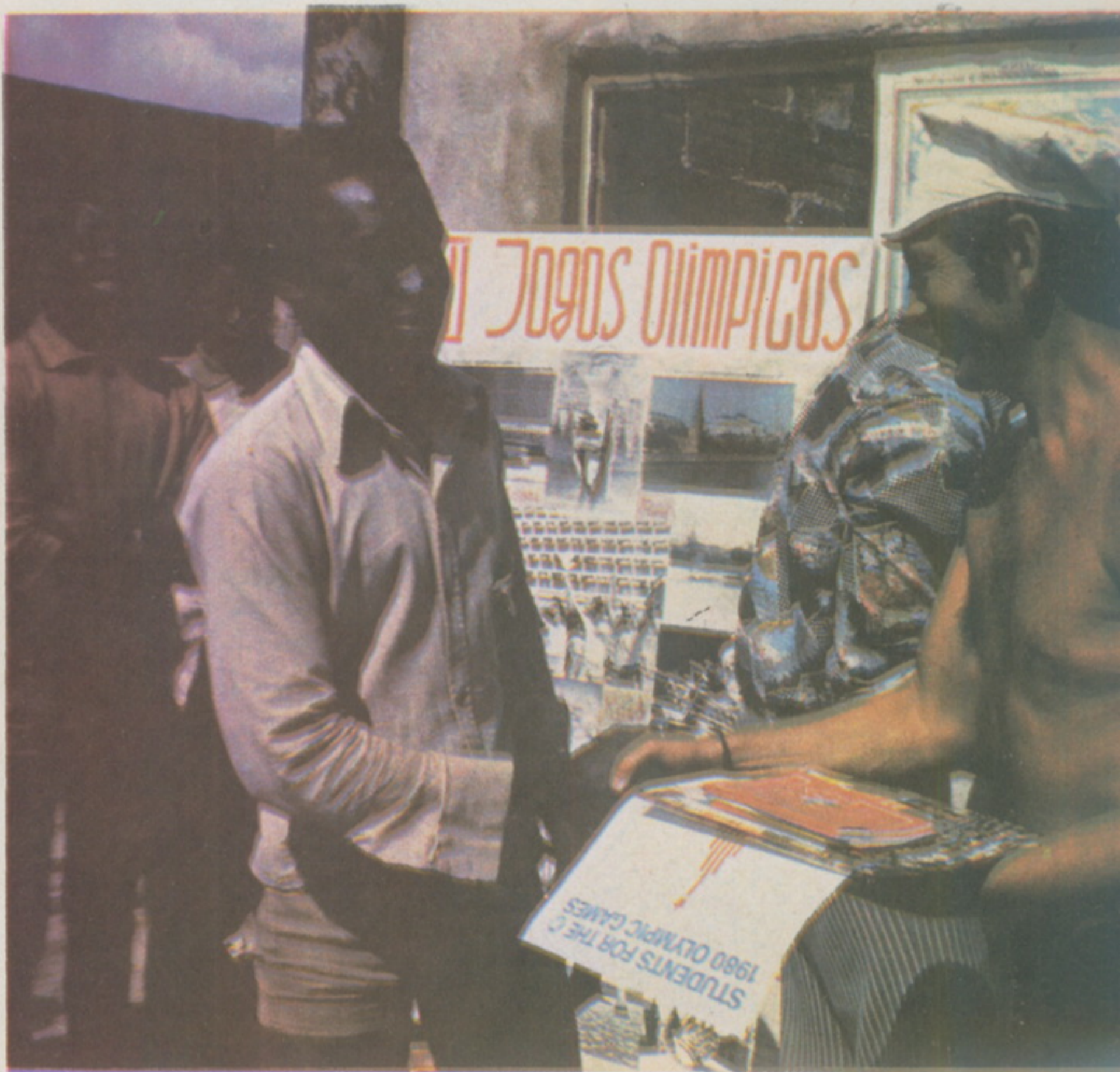
Фото А. ЗЕМЛЯНИЧЕНКО

В соответствии с Протоколом сотрудничества между ЦК ВЛКСМ, КМО СССР и Организацией молодежи Мозамбика (ОММ) на 1980—1982 годы

в Мозамбике работал студенческий строительный отряд «Дружба-80» из Омска. Впервые советский ССО оказался за экватором, в Африке.

КПСС И ВПРЕДЬ БУДЕТ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНО ПРОВОДИТЬ КУРС НА РАЗВИТИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА СССР С ОСВОБОДИВШИМИСЯ СТРАНАМИ, НА УПРОЧЕНИЕ СОЮЗА МИРОВОГО СОЦИАЛИЗМА И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ.

Из доклада Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева «Отчет Центрального Комитета КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики».

В комитете комсомола сказали: «Тут формируются два отряда, очень ответственных: на БАМ и в Мозамбик. Ты куда поедешь?» Шутка, наверное, Мозамбик! Дома вместе с женой посмеялись по этому поводу. Для интереса зашел в энциклопедию. Изучил предмет. Площадь 783 тысячи квадратных километров, граничит с Танзанией, Малави, Замбией, Зимбабве, ЮАР, королевством Свазиленд. Среди прочих рек — представляете?! — Лимпопо.

Когда стало ясно, что Мозамбик — вполне серьезно, меня начали уверять, что я-то, уж конечно, не пройду по здоровью. Однако с этого момента каждое газетное сообщение о Мозамбике домашние зачитывали вслух, подвергая всестороннему обсуждению. А вдруг...

И только когда мы, 26 бойцов (из 150 кандидатов), оказались в Москве и кто-то уже хлопотал о билетах в Мапуту, сомнения рассеялись окончательно. Еду!

Нам выдали форму: белую с гербами СССР и Мозамбика. Мы ее все сразу надели. И тут же на улицах нас стали останавливать:

— Давай, ребята, не подкачай!

Мы не сразу поняли, что нас принимают за олимпийцев. Около гостиницы «Орленок» подошли чернокожие ребята с пионерскими галстуками и неожиданно сказали: «Добрый день!» Оказалось, что они из Мозамбика, отдыхали в «Артеке». Ребята увидели свой герб на наших рукавах и решили узнать, в чем дело.

Первая посадка на чужой земле — Каир. Из самолета никого не выпускали, а у трапа заняли пост два дюжих автоматчика. Вот уж чужие так чужие. Потом был Аден, Дар-эс-Салам и, наконец, Мапуту.

У трапа встречали представители ЦК

ОММ, работники нашего посольства. Все выглядело очень торжественно. Из Мапуту наш маршрут лежал в Бейру (800 километров на юг). В полете изучали инструкцию по изготовлению кирпичей из местного материала. Значит, такой вариант не исключается. Окончательно еще неизвестно было ни что, ни из чего будем строить. В Бейре за ужином попробовали

ницами и ружейными пирамидами. Ребята обнаружили пуленепробиваемый жилет с дыркой от пули и принялись по очереди примерять. Тяжелая одежда. Искали подземный ход, но не нашли.

Сегодня с утра стало известно, что будем строить родильный дом. Вообще-то мы не рассчитывали больше, чем на ФАП — фельдшерско-акушерский пункт

ных успехов и делится с нами радостью.

Подобные доски мы встречали повсюду в людных местах. Только назначение у них, как выяснилось, иное: что-то вроде общественной стенгазеты. Их так и называют: «Газеты для народа». На них кратко переписываются из центральных газет основные новости, а также сообщения о событиях местного значения. Из такой га-

ДО РАБОТЫ 13 300 КИЛОМЕТРОВ

М. БЕРГЕР,
наш спец. корр.

зеты в аэропорту в Мапуту мы узнали о прибытии в страну советских студентов, то есть нашем.

Первый рабочий день. Подъем в 5.30. Утром, как в русской деревне, запели петухи. Оказывается, в Африке они тоже есть. До объекта ехали минут двадцать. Раньше здесь были тростниковые заросли, и ничего даже отдаленно не напоминает строительную площадку. С нами вместе будет работать «Красная звезда» — первый молодежный строительный отряд Мозамбика. Сделали разбивку под фундамент (44 на 13 метров). Часть будущего котлована задевала огород с посадками маниоки. Пригласили хозяев и попросили собрать урожай. Мы уже видели, что с продовольствием в стране туговато, на счете каждый клубень, плод, ягода.

Развернулись быстро и четко, разложили инструменты — и за работу.

Народу вокруг собралось — тьма. Наверное, все дондовцы (а может, дондовчане) пришли смотреть, как работают русские. Удивлялись всему. Лопат у них здесь нет. Земляные работы делают мотыгами. Произвел впечатление и наш топор. Дело в том, что здешние больше похожи на колуны с длинными прямыми топорщиками. Нашим плотничать явно ловчее.

Даже сеньор Сантуш, прикрепленный к нам местный строитель, наверное, прораб, старый «омозамбичившийся» португалец, долго рассматривал наш удобный топорик, а потом, явно смущаясь, попросил, когда уедем, оставить топорик ему. В принципе он мог этого и не делать: весь инструмент мы и так оставляли «Красной звезде».

Для ребят из «Красной звезды» работа лопатой непривычна. Стараются

пири-пири. Это такая своеобразная штука — словами не передашь, но вкусная необыкновенно.

Устроились в гостинице.

Пока решались оргвопросы, нас отправили на рынок за продуктами. На рынке продают чеснок, лук, апельсины, кокосовые орехи, перец, помидоры, капусту, которая в отличие от нашей не кочанная, а просто листья.

После рынка была экскурсия по Бейре. Заехали в зоопарк, который составляют обезьяны и попугаи. Обезьяны с огромным удовольствием едят апельсины, ловко обдирая кожуру.

Наконец-то прибыли к месту жительства и работы в Дондо, небольшой городок под Бейрой.

Расположились в шикарном особняке, принадлежавшем до революции владельцу всех шиферных заводов страны. Правда, дом был больше похож на маленькую крепость с полным автономным обеспечением водой и электроэнергией, с бой-

на 5—6 коек, а тут целый родильный дом.

Мастер Глазков размахивал кипой каких-то бумаг — типовой проект роддома, созданный еще португальскими проектировщиками.

— Мертвое дело, — сказал Глазков. — Тут два двухэтажных корпуса. Нам такие хоромы не поднять, да и не нужны они пока.

Что делать! В конце концов мы решились на шаг, требующий определенной смелости: разработать собственный проект одноэтажного роддома на 50 мест. И «мозговой трест» отряда принял за дело.

На вилле встретили то ли сторожа, то ли дворника лет пятидесяти. Поговорили с ним: он на португальском, мы на русском. Кажется, мы друг другу понравились. Потом он подошел к большой доске типа школьной и написал мелом несколько несложных арифметических примеров, из чего мы поняли, что наш новый знакомый начал учиться, достиг определен-

вовсю. Многие босиком, вероятно, нечего обуть.

Вырыли котлован под фундамент. Это заняло весь день. Сантуш недоверчиво покачал головой, когда узнал, что мы наметили выполнить эту работу за день. Он считал, что для этого нужна минимум неделя. А когда увидел готовый котлован, долго ходил вокруг, воздевая руки, что означало крайнее удивление.

Ко мне подошел какой-то человек и, тыча пальцем в грудь, спросил:

— Солдат?

— Почему солдат?

— Да, да, солдат,— закивал он головой и отошел.

По городку кто-то распространил слух, что солдаты из России строят военный объект. Слух гулял по Дондо, пока товарищ из ЦК ОММ не выступил перед населением и не объяснил, кто мы и зачем приехали.

Организация женщин Мозамбика приняла решение о том, что молодые женщины города должны отработать на стройке по полтора часа.

Фернандо, пожалуй, самый старший и опытный. Ему без малого тридцать лет. До революции работал в ЮАР на рудниках: в Мозамбике работы не было.

Луис вполне освоил дизельную растворомешалку. На Глорию страшно смотреть, когда она тащит на голове ведро с раствором. Пробовали отобрать и запретить, ничего не получилось.

А Эдуардо не очень, надо сказать, нажимает на работу. Зато изображать наших ребят оказался мастер. Пародирует так, что все катаются со смеху.

Сегодня возникла проблема: из чего соорудить носилки для переноски грунта. Облазил всю виллу в поисках досок — ничего подходящего нет. С тяжелым сердцем — жалко! — делаю носилки из... красного дерева! Вообще здесь, как выяснилось, это основной древесный материал. Носилки получились жутко тяжелые: килограммов под двадцать...

День прошел. На ужин были макароны по-флотски, чай, бананы. После

Сегодня воскресенье. Подъем на полчаса позже. Завтрак. Идет шестой день. Растут потихоньку стены. Уже что-то начинает вырисовываться.

Настрой боевой у всех. Работают мужики здорово, только вот швы почему-то у нас получаются неодинаковые. Верхний ряд скачет по высоте волнами, хотя вроде бы кладем по шнурку. Правда, кирпичи здесь необычные, что-то вроде блоков. С такими никто из нас не работал. Но все равно Федорыч гоняет нас за качество со страшной силой. Во второй половине дня игра в футбол с местными ребятами. Победили со счетом 4:0.

Футбол в Мозамбике очень популярен. Везде мы встречали футбольные поля. Ребята из «Красной звезды» только и говорили что о предстоящей встрече.

— Работаете вы, конечно, хорошо, но в футбол мы у вас выиграем 5:0,— грозились они.

А когда проиграли, расстроились, но вида не показывают. Обещают отыграться. Мы не против.

Проводим у себя дни Советского Союза. Прямо на стройке оформили «Уголок СССР» — фотографии, от-

В первый день те, кто не поехал на объект, обживались на вилле. Развесили по стенам плакаты, оборудовали что-то вроде красного уголка. Когда вернулись с работы, у всех поднялось настроение, сразу почувствовали свое, родное. По вечерам пробуем заниматься португальским. Андрей Решетняк спрашивает, кому какое слово перевести. Мы записываем. Вода — «агуа», спасибо — «абригадо», работать — «трабалар», перерыв — «интервало».

Работают местные ребята старательно, но чувствуется, что выдержать наш темп им трудновато. Навыка, видно, не хватает, да и калории в рационе их питания еще те: булочка на обед, бананы, немного риса.

Перезнакомились. С нами работают Луис, Орландо, Дионизио (Дениска), Фернандо, Глория...

ужина немного посидели, попели под гитару. Ребята пошли готовиться к концерту для мозамбикцев.

На закладке первого кирпича состоялся митинг. Мастер наш положил в фундамент русский пятак. Чтоб крепче стояло. Были речи, затем мы торжественно приняли в бойцы ССО ребят из «Красной звезды».

Федорыч (мастер) поручил Володе Котову прикинуть, сколько понадобится электропровода для всего роддома (получилось — километр), и вместе со своей заявкой на гвозди (40 килограммов) передал Сантушу. Вскоре обе заявки вернулись. Глазкова попросили указать точное количество провода — в сантиметрах, гвоздей — в штуках. Это была не шутка — экономия в стране строжайшая.

крытки, географические карты. Рассказывать надо буквально обо всем. Интерес огромный.

Нам на виллу доставили советские газеты. Правда, недельной давности, но все равно. Набросились сразу читать. По вечерам крутим транзисторы, пытаюсь поймать «Маяк». Несколько раз слышали передачи мозамбикского радио о нашем отряде. Говорят, местная печать сообщала о нас так же часто, как и о ходе Олимпийских игр.

Языковой барьер становится все ниже. Светских бесед, конечно, не ведем, но общаемся сносно. На вопрос «Как дела?» нам отвечают: «Как сажа бела» или еще что-нибудь по-русски. Быстро уловили африканцы смысл непереводимого слова «сачок» и очень его боятся. Нет для них страшнее выговора.

Сегодня началась планировка земли в помещениях. Работа адская. Надо засыпать около 900 кубометров грунта, да еще из-за неудобства передвижения внутри здания приходится делать это в несколько перекидок. Подсчитали: на каждого выходит чуть ли не по вагону земли.

После полудня на стройку приехала из Бейры молодежная конференция в полном составе. «Субботник», — говорят они, ворочая лопатами. Здорово помогли.

В очередное воскресенье поехали отдыхать в Бейру. После купания в Индийском океане обед в ресторане отеля «Мозамбик». Пиво, креветки с помидорами и мясной гуляш. Посидели неплохо.

Во время обеда к нашему столику подошел официант и спросил:

— Ребята, вам пива еще принести?

начали сами. Материал на крышу тоже пока не везут. Для нас это сейчас коренной вопрос. Если не успеем выйти под крышу до наступления дождей, всей работе крышка: зальет, затопит, размочит.

Завтра август.

Мы попали в перепись населения. Нас, конечно, не переписывали, но местные власти включили в анкету вопрос: «Как вы относитесь к советскому студенческому отряду?» Ответы были очень лестными: «Восхищены, преклоняемся...»

А когда мы вручную, без всякой техники поднимали наверх стропила (все же успели их подвезти), каждое из которых весит около 900 килограммов (опять все то же красное дерево), то собравшиеся зрители разразились аплодисментами.

В воскресенье работали до обеда.

— Нет, шеф, мы сейчас уходим.

— Ну ладно, — ответил он и удалился.

Мы даже не сразу сообразили, что разговаривали с ним по-русски, а когда поняли — он уже скрылся, и спросить его мы так и не успели.

Сегодня закончили кладку по всему периметру и приступили к бетонированию полов на веранде.

День начался не совсем обычно. С утра кто-то из наших с дикими криками вылетел из комнаты с рабочей одеждой: «Караул!» Кричавшего поймали и выяснили, что на перекладине среди портянок и роб висит живая змея. Общими усилиями она была убита.

На работе задержка. Не поставили стропила для крыши, и все еще нет обещанных штукатуров. Штукатурить

В два часа поехали в Бейру. Искупались в океане, дали концерт.

Концерт произвел огромное впечатление. Наши старые студенческие шутки типа той, когда парни переодеваются в женщин и что-то пляшут, здесь были в диковинку. Мы с успехом исполнили танец мозамбикских женщин.

Гвоздем программы был фокус. Андрей Решетняк сидел в большом деревянном ящике, из которого торчала его голова. Факир Миша Тюта накрыл его простыней. В это время Андрей убрал голову, а руками поднял на ее место кочан капусты. Тюта со всего маху вогнал в «голову» кухонные ножи. Зал дружно охнул, после чего воцарилась гробовая тишина. Только когда зрителям был показан невредимый Решетняк, они буквально взревели от удивления и восторга, а

потом еще долго ходили вокруг Андрея и просили дать потрогать его голову.

В Бейру на ремонт зашел советский корабль. Была экскурсия.

Моряки нас стали расспрашивать, кто откуда, а мы их первым делом просим:

— Ребята, у вас черненького хлеба не найдется? Ужас как по нему соскучились.

Среди моряков оказались сибиряки и даже омичи. Мы увезли с собой приветы и поклоны для передачи по возвращении.

Работа наша идет с опережением графика. В «Красной звезде» уже свои полноценные бригады плотников, каменщиков, бетонщиков. Дело близится к концу.

Ваня Зима с помощью столярных стамесок вырезал замечательного деревянного петуха на крышу для памяти.

В честь завершения строительства был устроен прием. Были речи и все, что принято в таких случаях. Первых детей, которые появятся на свет в нашем роддоме, обещали назвать русскими именами. В последний день работы уезжали с объекта в плавках. Одежда, обувь, рукавицы — все раздали ребятам из «Красной звезды». Мы говорили «сувенир», но понимали, что у них просто плохо с одеждой. Оставили отряду все, что привезли с собой: инструменты, библиотечку, спортивный инвентарь, палатки, спальные.

Лучших бойцов мы наградили по своему. Фернандо и Луис получили по электрической плитке. Глории достался уют. Здесь эти вещи недоступно дороги.

В аэропорту на поле выстроился отряд «Красная звезда». Ребята пели, махали руками. Расставаться было грустно.

Этот месяц в Африке для нас как подарок судьбы.

А для Дондо? Вот ответ.

Проект родильного дома, который создал сам отряд, признан настолько удачным, что его решено сделать типовым для Мозамбика. Сказать, что роддом был построен быстро, значит, не сказать ничего. Подобные по объему работ сооружения возводятся в Мозамбике за полтора-два года. Важно еще и то, что это был первый строительный объект в провинции Софала, начатый и сданный «под ключ» после революции 1975 года.

В материале использованы дневниковые записи, фотографии, а также подробности устных рассказов Григория Кубарева, Владимира Котова, Виктора Кузлякина, Владимира Саулина, Василия Илыка, Александра Ладатко и других бойцов ССО «Дружба-80», студентов омских вузов.

ЛЮДИ, ВЫПОЛНИВШИЕ СВОЙ ДОЛГ

Габриэль Гарсиа МАРКЕС,
колумбийский писатель

Первое официальное заявление Соединенных Штатов, в котором упоминается о присутствии кубинских войск в Анголе, относится к концу ноября 1975 года. Несколько недель спустя Генри Киссинджер сказал в частном порядке: «Подумать только, насколько хуже стали работать наши разведывательные службы! Мы узна-

ли, что кубинцы собираются в Анголу, только тогда, когда они уже были там».

Вполне вероятно, что даже сами кубинцы не могли предвидеть масштабы братской помощи народу Анголы, но с самого начала они знали одно: им следует действовать быстро и решительно. Руководители кубинской революции поддерживают тесные кон-

такты с Народным движением за освобождение Анголы (МПЛА) с августа 1965 года. В 1966 году Агостиньо Нето посетил Кубу, затем в соответствии с общей логикой освободительной борьбы в Анголе контакты поддерживались в зависимости от обстоятельств. В мае 1975 года кубинский майор Флавио Браво встретился в Браззавиле с Агостиньо Нето, и тот попросил у него помощи для перевозки оружия. Кроме того, он спросил у Флавио Браво о возможности более широкой помощи Анголе. Как следствие этих переговоров — через три месяца майор Рауль Диас Аргельяс прибыл в Луанду во главе кубинской делегации, и во время этих переговоров Агостиньо Нето уточнил размеры помощи. Речь шла о посылке в Анголу группы военных инструкторов.

Достаточно было хотя бы немного знать ситуацию в Анголе, чтобы понять, что в просьбе Агостиньо Нето отразилась типичная для него скромность. Хотя МПЛА, основанное в 1956 году, было самым старым освободительным движением Анголы, а кроме того, единственным движением, имевшим широкую народную базу и предлагавшим народу социальную, экономическую и политическую программу, соответствующую условиям страны, его положение в смысле военном было менее выгодным. У него было достаточно оружия, но не хватало специалистов, умевших с ним обращаться.

В то самое время (1975 год.— Ред.) было объявлено о существовании в городе Кармоне «правительства», возглавляемого Холденом Роберто, чьи связи с ЦРУ были всем хорошо известны. На западе действовал Национальный союз за полную независимость Анголы (УНИТА), которым руководил Савимби, беспринципный авантюрист, поддерживавший постоянную связь с иностранными компаниями. Кроме того, регулярные войска ЮАР, пройдя через оккупированную ЮАР территорию Намибии, пересекли границу с Анголой под предлогом, что они защищают плотины, входящие в состав гидроэнергетического комплекса Руакана-Калуэка.

Все эти силы, обладающие громадными экономическими и военными ресурсами, были готовы замкнуть кольцо блокады вокруг Луанды после того, как португальские войска покинут эту громадную, богатую и прекрасную страну.

Когда кубинские руководители узнали, что Агостиньо Нето ждет от них помощи, они решили немедленно послать в Анголу специалистов, которые должны были организовать центры военной подготовки, кроме того, решено было послать в Анголу бригаду врачей.

Этот первый контингент кубинских войск был отправлен в Анголу на им-

провизированных транспортных судах. Способ загрузки этих судов очень хорошо иллюстрирует предусмотрительность кубинцев и мужество, с которым они готовились оказать помощь Анголе. Казалось бы, неразумно везти горючее с Кубы в Анголу. Ведь Ангола сама производит нефть, а кубинцы импортируют ее с другого материка. Все же кубинцы предпочитали действовать наверняка, и первая группа кубинцев привезла с собой бензин.

Сам Фидель Кастро пришел проводить эти корабли. Потом он это делал всегда, когда кубинские войска отправлялись в Анголу. Ознакомившись с условиями, в которых будут перевозиться войска, он произнес фразу, очень типичную для него, хотя она и может показаться не очень важной. «В любом случае,— сказал он,— им будет удобнее, чем тем, кто прибыл на «Гранма».

Как и было предусмотрено, кубинских инструкторов приняли представители МПЛА. Немедленно были организованы центры военной подготовки.

К тому времени войска Холдена Роберто подошли так близко к Луанде, что кубинский инструктор артиллерии, который давал первые уроки своим ученикам, прямо со своей площадки видел, как приближаются бронемашинны наемников. 23 октября регулярные войска ЮАР — одна механизированная бригада — перешли границу между Намибией и Анголой и три дня спустя заняли города Са-да-Бандейра и Мосамедиш. Южноафриканцы явно рассчитывали на воскресную прогулку. Прямо в танках у них были установлены кассетные магнитофоны.

На севере Анголы командующий одной из колонн наемников руководил военными действиями из спортивного автомобиля, причем рядом с ним сидела блондинка с внешностью кинозвезды. Они продвигались по территории Анголы в праздничном, приподнятом настроении, не посылая вперед разведку. Никто так и не понял, откуда был послан снаряд, который разнес на мелкие части спортивный автомобиль. В чемодане блондинки нашли потом только вечернее платье, бикини и приглашение на праздник победы, который Холден Роберто будто бы уже готовил в Луанде.

До конца той недели южноафриканцы продвинулись по ангольской территории на 600 километров и наступали на Луанду со скоростью 170 километров в день. 3 ноября они напали на немногочисленный гарнизон в Бенгале. Кубинские инструкторы вынуждены были покинуть центры военной подготовки и вместе со своими учениками вступить в бой против захватчиков. Они давали им уроки военной подготовки в перерывах между атаками.

Даже врачи, вспомнив свою службу в рядах народной милиции, преврати-

лись на какое-то время в солдат и были направлены в окопы. Руководители МПЛА, привыкшие к партизанской борьбе, а не к войне на широком фронте, поняли в те дни, что силы их врагов, вступивших в тайный сговор с империализмом и имевших в своем распоряжении его богатейшие ресурсы, могут быть уничтожены только при условии, если МПЛА немедленно обратится ко всему миру с призывом о международной солидарности.

Дух интернационализма — это исторически сложившееся замечательное качество кубинцев. Революция уточнила и расширила понятие интернационализма в соответствии с марксистской идеологией. Но тем не менее сущность идеи интернационализма была очень хорошо определена еще раньше в трудах Хосе Марти и всей его жизнью.

Когда Агостиньо Нето обратился с воззванием к гражданам Анголы, обучавшимся в Португалии, чтобы они ехали учиться в социалистические страны, многим из них оказала гостеприимство Куба. Сейчас ангольцы, выпускники кубинских вузов, участвуют в строительстве социализма в Анголе.

Таким образом, акт солидарности Кубы по отношению к Анголе не был неожиданным и непродуманным. В этом деликатном решении был только один драматический момент. На этот раз вопрос стоял не просто о том, чтобы оказать посильную помощь: речь шла о настоящей войне в широком масштабе на территории в 10 тысяч квадратных километров.

Руководство Коммунистической партии Кубы имело в своем распоряжении не больше 24 часов для принятия решения, и оно приняло это решение без колебаний. В опровержение всего того, о чем столько говорилось впоследствии, это было независимое, суверенное решение Кубы. Акция солидарности с Анголой называлась операция «Карлота», в честь негритянки Карлоты, которая 5 ноября 1843 года возглавила восстание рабов в Матансасе и погибла.

Начало операции «Карлота» положила отправка усиленного батальона войск специального назначения. Перед этим батальоном была поставлена задача: сдерживать наступление войск противника, не допустить захвата ими ангольской столицы до того, как португальские войска оставят ее, а затем сдерживать противника до прибытия подкрепления морским путем. Однако личный состав, переправлявшийся двумя первыми рейсами, был убежден, что прибывает слишком поздно, и надеялся спасти хотя бы провинцию Кабинда.

Первая группа вылетела 7 ноября специальным рейсом «Кубана де авиасьон» на одном из ставших уже легендарными самолетов «Бристоль-

Британия», от которых во всем мире давно отказались. Его пассажиры — они хорошо помнят, что их было 82 человека, как и на «Гранма», — одетые по-летнему, без всяких знаков различия, с чемоданчиками и обычными паспортами, в которых были записаны их настоящие имена, выглядели здоровяками, загоревшими под карибским солнцем.

Полет Гавана — Луанда предполагал посадку на Барбадосе для дозаправки, проходившей в тропический шторм, и в Гвинее-Бисау. В Луанде «Британия» приземлилась ночью 8 ноября под проливным дождем без помощи центра управления. Пятнадцать минут спустя приземлился второй самолет.

В это время от берегов Кубы отходили транспорты с артиллеристами и морскими пехотинцами. Они начали высаживаться в Анголе 27 ноября. Колонны Холдена Роберто находились тогда настолько близко от Луанды, что обстреливали из артиллерии казарму, в которой расположились кубинские войска. Кубинцы не имели времени даже для отдыха. Переодевшись в военную форму, они присоединялись к войскам МПЛА и шли в бой. По соображениям безопасности кубинская печать не публиковала сообщений об участии своих войск в ангольских событиях.

При отборе добровольцев учитывались не только военная подготовка, физические и моральные качества, но и трудовые показатели и уровень политической подготовки. Тем не менее было много случаев, когда добровольцы «обходили» фильтры отбора. Известны случаи, когда квалифицированному инженеру удалось сойти за водителя грузовика, высокопоставленному служащему — за механика. Одна женщина смогла отправиться в Анголу только в начале декабря. Перед этим ей несколько раз отказывали под предлогом того, что «это слишком тяжело для женщины». Она была готова ехать «зайцем» и уже припрятала свою одежду в трюме одного из судов, но ей все же разрешили отправиться туда легально самолетом. Это 23-летняя учительница Эстер Лилия Диас Родригес. Она вступила в ряды РВС в 1969 году и отлично стреляет из стрелкового оружия. Одновременно в Анголу отправившись тайком друг от друга ее братья, Сеса, Рубен и Эринельдо. Не сговариваясь, они заявили матери, что уезжают в Камагуэй для участия в военных маневрах. Все они вернулись живые и здоровые. Их мать была очень горда тем, что ее дети были в Анголе.

Из разговоров с вернувшимися из Анголы кубинцами можно сделать вывод, что они отправлялись туда по самым разнообразным причинам. Но никто по принуждению. Подавляющее большинство, несомненно, отправилось в Анголу, движимое стремлением выполнить этот акт политической солидарности с той же убежденностью и

смелостью, с какой была отражена высадка интервентов на Плайя-Хирон. Таким образом, операция «Карлота» была не просто экспедицией партизан-профессионалов, а народной войной.

Проходившая в течение девяти месяцев мобилизация человеческих и материальных ресурсов превратилась в почти невероятную эпопею. Дряхлые «Британии» постоянно совершали, казалось, невозможные рейсы. При обычном взлетном весе в 185 тысяч фунтов они много раз летали с весом до 194 тысяч, что превышает все допустимые пределы. Летчики, нормальное время которых 75 часов в месяц, набирали иногда до 200 часов. В общем, на каждом из самолетов «Британия», участвовавших в выполнении этой задачи, было по два экипажа, подменявших, друг друга во время полета. Один летчик вспоминает, что он не вставал со своего кресла в течение 50 часов в полете туда и обратно. При этом он сам вел самолет 43 часа. «Были моменты, когда я чувствовал себя настолько усталым, что, кажется, уже больше невозможно устать», — говорил он. В той обстановке, если учесть разницу во времени, пилоты и стюардессы теряли счет времени и ориентировались лишь по самочувствию: ели, когда хотелось есть, спали, когда хотелось спать.

Маршрут Гавана — Луанда проходит над пустынными районами. Данные о воздушных течениях в этих местах на высоте крейсерских полетов «Британии» — 18—20 тысяч футов — практически отсутствуют. Летчики не знали состояния маршрута и летали, не имея ни малейшего представления об условиях в конечных пунктах полета. Наиболее опасным участком была часть маршрута между Браззавилем и Луандой, поскольку у них не было там постоянного аэродрома. Кроме того, личный состав летал с заряженным оружием, а взрывчатка и боеприпасы в целях уменьшения веса перевозились без ящиков.

Соединенные Штаты нашли самое уязвимое место «Британии»: ее недостаточную автономность. Когда они добились от правительства Барбадоса запрещения посадок кубинских самолетов для заправки, кубинцы установили трансатлантический рейс из аэропорта города Ольгин на восток острова Сал (Острова Зеленого Мыса). Летчики, совершавшие эти рейсы, ходили на воздушных гимнастов, работающих без предохранительной сетки, поскольку при полете туда в баках самолетов горючего оставалось на два часа полета, а при возвращении и того меньше — на один час.

Но и этот «цирковой» маршрут пришлось отменить, чтобы не ставить под удар Острова Зеленого Мыса. Тогда кабины самолетов были оснащены четырьмя запасными баками для горючего, что позволило совершать беспосадочные полеты по маршруту Ольгин — Браззавиль. Но теперь каждым рейсом переправлялось на 30 че-

ловек меньше. От посадки в Гайане отказались, во-первых, потому, что взлетно-посадочная полоса в аэропорту гайанской столицы была слишком короткой, а во-вторых, потому, что концерн «Тексако», занимающийся экспортом нефти в Гайану, отказался продавать горючее.

Техосмотры самолетов проводились в наполовину сокращенные сроки. Один пилот даже вспоминал, что ему несколько раз приходилось летать без радара. Но никто не помнит случая, чтобы приборы управления подвели.

Не менее драматичными были морские перевозки. На использовавшихся для этого пассажирских судах под спальни был оборудован каждый клочок свободного места. В некоторых случаях эти суда брали на борт в три раза больше обычного. Несмотря на суровые условия, в которых проходили эти рейсы, продолжавшиеся примерно по 20 дней, на судах не возникло ни одной серьезной проблемы с точки зрения медицины.

Зато приходилось бороться с более сложными «эпидемиями», когда некоторые члены экипажей судов любой ценой стремились остаться в Анголе, чтобы принять участие в войне. Один из них, офицер запаса, каким-то образом раздобыл униформу и, сойдя

на берег, смешался с войсками. Ему удалось остаться. Он показал себя отличным разведчиком.

Тогда было возможно все, кроме одного — проиграть войну. Однако ради исторической правды нужно сказать, что война была на грани проигрыша. В первую неделю декабря положение было настолько серьезным, что обсуждалась возможность закрепления в Кабинде и сохранения плацдарма около Луанды для обеспечения эвакуации.

Причиной декабрьских бед была прежде всего исключительная огневая мощь противника, который к тому времени получил от Соединенных Штатов военную помощь на 50 миллионов долларов. Кроме того, Ангола обратилась к кубинцам с просьбой о помощи очень поздно. Положение еще больше осложнилось вынужденными задержками в ее оказании. И наконец, сыграли свою роль бедность, нищенские условия и отсталость Анголы, вызванные несколькими веками колониализма.

Кубинцев встретил в Анголе тот же климат, что и на родине. Кое-кто из кубинцев был настолько похож на ангольцев, что скоро лишь опытные люди могли различить их.

Португальские колонизаторы, возможно, самые алчные и жестокие в истории, выстроили красивые современные города, рассчитывая жить в них вечно. Но это были города для белых, такие, какие строили янки вокруг старой Гаваны и вид которых так изумил кубинских крестьян, когда они впервые в своей жизни спустились со Сьерра-Маэстры с винтовками.

За фасадом цивилизации скрывалась огромная, богатая ресурсами страна нищеты с одним из самых низких в мире уровней жизни населения: более 90 процентов неграмотных жителей и общее культурное развитие на грани каменного века. В периферийных го-

родах по-португальски разговаривать умели лишь мужчины. Различного рода пережитки были препятствием не только в быту, но и на войне.

Ангольцы были убеждены в том, что белых пуля не берет. Они наделяли волшебной силой самолеты и отказывались лезть в окопы, так как, по их мнению, «могилы нужны лишь мертвым». В Сан-Педро-Дескола, например, кубинцы едва ли не силой унесли с собой ребенка, чтобы оказать помощь от ожога кипятком. Семья ребенка отпевала его, еще живого, считая невозможным спасение.

Кубинские врачи столкнулись с доселе неизвестными им болезнями. При португальцах в Анголе на 6 миллионов жителей было 90 врачей, причем большинство из них практиковали в столице. Когда колонизаторы ушли, осталось всего 30 врачей.

За годы длительной борьбы за свержение португальского господства МПЛА сделало много для ликвидации отсталости, в этом одна из причин его окончательной победы. На освобожденных от португальцев территориях велась работа по повышению политического и культурного уровня населения, искоренялась племенная и расовая рознь, налаживались бесплатное обучение и медицинская помощь. Это были семена нового общества.

Однако этих усилий оказалось явно недостаточно, когда партизанская война переросла в большую войну, втянувшую в себя не только людей, получивших военную и политическую подготовку, но и весь народ Анголы.

Фидель Кастро лично был в курсе мельчайших подробностей военных действий. Он присутствовал при отправке каждого судна, а перед этим кратко напутствовал бойцов.

Об убежденности Фиделя в победе говорит следующий пример его реакции на те или иные события: подразделение МПЛА с целью сдержать натиск танковой колонны войск ЮАР было вынуждено взорвать мост. Фидель Кастро радовался: «Не взрывают больше мостов, как потом будете их преследовать?» И был прав. Спустя несколько недель кубинским и ангольским саперам придется за 20 дней отремонтировать 13 мостов, чтобы позволить войскам МПЛА настичь убежавших в панике интервентов.

За несколько дней до открытия Чрезвычайной ассамблеи глав государств и правительств стран — членов Организации африканского единства части под командованием кубинского майора Виктора Чунга Коласа, чернокожего здоровенного, добродушного, бывшего до революции автомехаником, изгнали Холдена Роберто из его мифической столицы Кармоны, заняли этот город, а несколько часов спустя и военную базу в Негаже. Неудержимое наступление МПЛА на всех фронтах окончательно изменило об-

становку в пользу патриотов. Дошло до того, что в середине января на южном фронте было начато наступление, предусматривавшееся на апрель.

Южноафриканские части имели на вооружении самолеты «канберра», а Заир — «мираж» и «фиат». У Анголы самолетов не было: прежде чем уйти, португальцы уничтожили все базы. Мало надежд внушали немногочисленные старые ДС-3, с горем пополам приведенные в годность кубинскими летчиками. И тем не менее эти машины, перегруженные ранеными, не раз садились ночью на грунтовые аэродромы, освещавшиеся призрачным мерцанием факелов. Возвращались они из таких рейсов на свои базы с «сувенирами» джунглей — намотавшимися на колеса шасси лианами, стеблями травы и цветов.

Кубинские бойцы не колебались, когда их части были брошены на южное направление. Но когда отступавшие подразделения ЮАР пересекли границу и укрылись в Намибии, войскам МПЛА был дан единственный приказ: занять брошенные плотины и обеспечить безопасность рабочих всех национальностей. 1 апреля в 9.15 утра передовые части МПЛА достигли плотины Руакана, вплотную подходящей к протянутым вдоль границы проволочным ограждениям.

Час с четвертью спустя губернатор Намибии, южноафриканский генерал, сопровождаемый двумя офицерами, попросил разрешения пересечь границу для переговоров с МПЛА. Представители обеих сторон с переводчиками уселись для переговоров за обеденным столом. Южноафриканский генерал, лысоватый толстяк лет пятидесяти, из кожи лез вон, чтобы казаться рубахой-парнем. Он без всяких оговорок принял условия МПЛА.

Примерно в те же дни я снова приехал в Гавану и уже в аэропорту почувствовал, что за год, который я не был на Кубе, в жизни кубинцев произошло нечто очень серьезное.

Необъяснимая и в то же время заметная перемена произошла не только в настроении людей, но и в окружающих вас вещах, в море, в птицах и животных, в самой жизни кубинцев. В одежде мужчин появились цельнокроенные костюмы из легкой ткани с коротким рукавом. В уличной речи зазвучали португальские выражения. Старые африканские ритмы народной музыки звучали по-новому. В магазинах и на автобусных остановках разговоры стали более шумными между решительными сторонниками действий в Анголе и теми, кто только сейчас начал понимать их необходимость. Самое же интересное впечатление: возвратившиеся из Анголы, похоже, считали, что они способствовали изменению хода мировой истории. Но вели себя с простотой и достоинством людей, всего лишь выполнивших свой долг.

Впечатления, которыми делится автор этого очерка, складывались в драматичный момент афганской революции, когда к власти в стране прорвался Х. Амин. Прикрываясь революционной фразеологией, он пытался утвердить личную диктатуру, стремился физически уничтожить всех честных активистов партии, подлинных патриотов, противившихся его самозубийственной для Афганистана политике.

Разоблаченный как предатель и отщепенец, сметенный силой народного гнева, Х. Амин успел нанести огромный ущерб демократическому развитию Афганистана.

Однако искренний революционный энтузиазм народных масс, о котором рассказывается в очерке, помог преодолеть это испытание, способствовал выдвижению подлинно народного руководства страны во главе с Генеральным секретарем ЦК НДПА, председателем Революционного совета и премьер-министром ДРА Бабраком Кармалем, успешно решающего узловые проблемы афганской революции.

Вместе с группой советских преподавателей я была в Афганистане в первый год национально-демократической революции 1978 года, видела эту древнюю и прекрасную страну в один из сложнейших периодов ее истории. И хотелось пристальней, чем обычно, вглядываться в окружающее, всматриваться в лица и улицы, вслушиваться не только в слова, но и в интонацию речи, разгадывая головоломки домов, улиц и базаров, чтобы за внешними приметамы быта разглядеть страну, попытаться понять народ и духовную ситуацию послереволюционного Афганистана.

Мы работали в Кабульском автомеханическом техникуме, построенном в 1973 году при техническом содействии Советского Союза. В техникум приезжают учиться ребята из всех провинций Афганистана, а занятия ведут афганские и советские преподаватели.

Быть в Афганистане советским преподавателем — учителем — трудно. И не только потому, что в Афганистане сохранилась традиция почитания учителя, а почитание неразрывно связано с повышенной требовательностью и ответственностью, но и потому, что за пределами своей страны ты сразу независимо от своей воли и желания становишься не просто советским человеком, а представителем первого в мире социалистического государства. Так воспринимали нас и наши студенты. По нам они выстраивали модель образа жизни советского общества вообще. Любое слово, жест несли в себе мировоззренческое начало. Было важно все: как ты одет, как ходишь,

*Мохассэлин — студенты (перс.).
(Здесь и далее примеч. авт.)*

ДИАЛОГИ

С

МОХАССЭЛИН

А. СЛЁЗОВА

стоишь, сидишь, что любишь делать после уроков и даже то, что преподаватель — женщина¹. На уроках студенты ждали от нас не только, вернее не столько, информации о грамматическом строе русского языка, сколько откровений, пытаюсь через нас понять духовный мир нашей страны. Но не только я учила своих учеников, но и они меня: мужеству и терпению, пылкому отношению к жизни. Мы много говорили и спорили. И часто наши разговоры заканчивались просьбой:

— Расскажите, расскажите обо всем этом своим друзьям в Москве.

И я обещала рассказать.

Мы прилетели в Кабул утром. Ярко светило белое солнце, вернее, все вокруг — земля, трава, деревья, небо — было солнцем, так все сияло и слепило глаза. Стояло раннее сентябрьское утро 1357 года.

«XIV век, — в смятении думала я, — Андрей Рублев, — мое сознание искало опоры в истории, — нет, это XV век. Значит, раньше, еще только через 23 года князь Дмитрий поведет русское воинство на великую битву с полчищами Мамай на поле Куликовом при реке Каяле. Непостижимо». И все же было сентябрьское утро 1357 года, шел XIV век по мусульманскому солнечному календарю, который берет свое начало со дня перехода Мухаммеда из Мекки в Медину в 622 году новой эры.

1357 год в Афганистане был годом радостным, горестным и доблестным, первым годом национально-демокра-

¹ В Афганистане процент работающих женщин очень низок.

тической революции 7 саура¹. Постигание этой революции вело к неожиданным открытиям.

На сцене стоит группа студентов, им по 18—20 лет, у них разные лица и разные судьбы. Они твердо и уверенно поют:

Мы дети тех, кто выступал
На белые отряды,
Кто паровозы оставлял,
Идя на баррикады.

Они поют стройно и слаженно, но каждый думает о своем. Они знают, что «белыми отрядами» в России называли отряды контрреволюционеров, и они поют о героях-комсомольцах, самоотверженно защищавших первую в мире социалистическую революцию, они хотят быть на них похожими и готовы отдать жизнь, сражаясь за победу своей революции. Другие знают об этом тоже, но поют они о другом: белый цвет — цвет чистоты и гармонии, и, наверное, поэтому в первые месяцы революции наши студенты часто называли ее белой — незапятнанной и бескровной².

Песня очень нравится зрителям, они громко хлопают и одобрительно свистят (высшая похвала). Но в зале тоже

¹ Национально-демократическая революция в Афганистане произошла 7 саура 1357 года, или 27 апреля 1978 года.

² 27 апреля пал режим Дауда — для перехода власти в руки НДПА (Народно-демократической партии Афганистана) в Кабуле потребовалось всего 10 часов, на следующий день военные гарнизоны крупнейших городов Афганистана без единого выстрела перешли на сторону новой власти.

думают о своем. Идет концерт, посвященный 1-й годовщине революции 7 саура. В зале и на сцене студенты Кабульского автомеханического техникума.

Весна 1979 года — трудное время для Афганистана. То в одной, то в другой провинции вспыхивают контрреволюционные мятежи. Кабул наводняют слухи о готовящихся провокациях и диверсиях. На базарах находят листовки — в них заворачивают хлеб, мясо, зелень, из них делают кульки для огненно-рыжих апельсинов, листовки призывают к «священной войне» с демократическим правительством и пророчат скорое наступление конца света. Это пугает даже тех, кто сочувственно относится к новому режиму: людей неверующих в Афганистане я почти не встречала. Даже студенты, дерзко называющие намаз пятикратной ежедневной зарядкой, носят на груди амулеты, стараются не произносить имя пророка Мухаммеда всуе и бережно заворачивают учебники по религии в тряпицу, как хлеб.

В самом Кабуле пока спокойно, но о том, что происходит в провинциях, можно догадаться по глазам студентов: если контрреволюционная вылазка удалась, сияют глаза тех, кто не принимает народного режима в Афганиста-

не; если планы реакции провалились, радостно и устало смотрят бойцы отрядов защиты революции.

У меня в группе есть и те и другие. Чуть ли не каждую неделю в техникуме проходят митинги и демонстрации, которые здесь называют «маршами». «Марш» в защиту революции от происков внешней реакции и в поддержку реформ демократического правительства.

После «марша» в спортзале я встречаю одного из своих студентов:

— Почему вы так охрипли и глаза у вас красные? Вы заболели?

— Нет, учитель, я был на марше, много говорил, а еще не спал ночью: мы патрулируем город, я не сплю вторую ночь. Мы сейчас много работаем. Нам очень трудно.

Центр жизни, торговой, политической, социальной, духовной, в любом городе Афганистана — базар. Здесь решаются не только торговые сделки, но и судьбы страны, здесь обсуждаются не только свежие сплетни из интимной жизни соседа, но и последние достижения отечественной поэзии. На базаре начинаются народные волнения, на базаре же они утихают. На базаре всегда шумно, пестро и радостно. **Дукандары**¹ лукаво торгуются часто

¹ *Дукандар* — так мы называли мелких торговцев, от *дукан* — торговая лавка.

просто ради азарта торговли. Сделать выгодную покупку — это все равно что выиграть в увлекательнейшей игре, столько же надо выдержки, ловкости и знания. И тогда в финале, как победный свисток судьи, раздастся примиряющее: «Парва надарад, ханум-саиб¹, бери». Это значит, что дукандар согласился на твою цену.

«Парва надарад» — у этого словосочетания масса значений и оттенков смысла: «ладно», «ничего», «все равно» — это лишь некоторые из них. У этой рубашки один рукав на десять сантиметров короче другого — парва надарад; а у чайника отбит носик — парва надарад. Парва надарад не дает покоя преподавателю на уроках: «Ахмад, вы не знаете падежей, вы говорите одними именительными».

— Парва надарад, учитель, вы же меня понимаете.

Парва надарад восхищает мудростью, гордостью и силой.

— Зачем вам идти на праздники в свой аул, все знают, что вы член НДПА, вас могут убить.

— Парва надарад, учитель, будет свадьба моего брата, как я могу не пойти.

В техникуме многие функции базара выполнял «клуб» — два зала (кино и спорт), соединенные стеклянным коридором, где стояли столы для пинг-понга. Здесь можно было отдохнуть, поболтать, узнать новости. Здесь буше-

¹ *Ханум-саиб* — вежливое обращение к женщине, госпожа.

вали спортивные, личные, политические страсти. Здесь царил дух азарта и вольности. Студенты позволяли себе проигрывать преподавателям только перед контрольной, нехотя и с чувством явного превосходства пропускали два-три мяча в конце игры. Мне нравилось приходить сюда после занятий в душных классах, за окнами которых садилось пыльное солнце и шелестели шинами машины, увозящие арестованных.

Мы все знали друг друга, радовались друг другу — радовались, что все живы, что никто пока не убит и не арестован. Радовались тому, что уже весна, что сквозь стеклянные окна светит солнце и можно просто играть в пинг-понг.

Из-за чуть приоткрытой двери кинозала доносится мягкий, приглушенный голос с легким акцентом, изящно растягивающий гласные. «Шаа-гаа-нээ ты моя, Шаа-гаа-нээ...» Слова льются, словно песня, грустная и нежная.

Идет подготовка к вечеру русского языка. Стихи Есенина читает студент IV курса, ему 21 год. В апреле 1978 года он был в числе тех, кто радостно приветствовал революцию, кто яростно и увлеченно взялся за дело создания ДОМА¹. К осени многое изменилось. На одном из первых митингов в КАМТе² он стоял уже в стороне, унылый и растерянный.

— Почему вы здесь, а не на трибуне?

— Они очень плохо говорят, они губят нашу страну и партию, мы должны быть вместе. — И глаза блестят то ли от гнева, то ли от слез, то ли от солнца.

— Шаа-гаа-нээ ты моя, Шаа-гаа-нээ...

Студенты младших курсов, подражая ему, растягивают слова, им чудится в них еще неведомое томление любви. Почти никто не знает или не помнит его настоящего имени. Но все знают Шаганэ, и его зовут Шаганэ. Иногда он обижается, иногда нет. Он не только читает стихи, но и прекрасно танцует. А вчера его почему-то видели в одном из дуканов...

— Вы стали хуже заниматься, скоро у вас выпускные экзамены.

— Учитель, я не ночью дома, я знаю, что каждую ночь меня могут арестовать. Революция была только первые два месяца. — И бутон розы (а весной в Кабуле розы цветут повсюду), который он машинально мнет в руке, превращается в маленький красный комочек, падающий в пыль.

Ему дали кончить техникум, но все-таки арестовали. В тюрьме его пытали электрическим током, он вышел на свободу после декабрьских событий 1979 года³, сейчас работает одним из инструкторов ДОМА в Кабуле.

¹ ДОМА — Демократическая организация молодежи Афганистана.

² КАМТ — Кабульский автомеханический техникум.

³ В декабре предатель Х. Амин был свергнут.

Сейчас доблестные времена!
Сейчас черные времена! —

поется в народной песне времен англо-афганских войн, и эти слова как нельзя лучше отвечали духовному состоянию страны в год, принесший народу радость свободы и печаль первых потерь.

Я перелистываю свои записки, сделанные в феврале 1979 года: «Сегодня сняли завуча техникума, ему около тридцати, смуглой бледностью щек, сочетанием в чертах лица изящества и властности он похож на легионеров Александра Македонского, которые, по преданию, ушли от великого полководца, чтобы навсегда остаться жить в горах Арианы¹. За год до этого, в апреле, он поднимался по лестнице, и его осыпали цветами — тогда он только начал работать в техникуме. Мы редко виделись, только если в классах возникали какие-нибудь конфликты, как вчера, например, когда ребята прямо на уроке «развязали гражданскую войну», вооружившись своими собственными ботинками. Шаукад Халил быстро и ловко уладил дело. А сегодня он шел по коридору ссутулившись, и с ним никто не здоровался. На вопрос, почему сняли Халила, мой ассистент ответил:

— Он враг, он аристократ.

— Он хороший специалист, с ним надо было говорить.

— Можно воспитать только того, кто ничего не знает, он знает все. Он очень враг.

— Все равно не надо бы так резко.

— Тогда мы проиграем. — Голос звучит отрывисто и твердо.

Уже в Москве я получила два письма: одно о том, что Шаукад Халил (завуч техникума) скончался от пыток в аминской тюрьме. У него остались жена и сын, которого он никогда не видел: сын родился, когда Халил уже был в тюрьме. После падения режима Хафизулы Амина в одной из центральных газет появилась заметка о судьбе Халила, где его называли героем и жертвой революции. Другое письмо было о том, что Шир Замин (так звали моего ассистента) пошел в армию по партийному призыву и погиб от рук бандитов, защищая революцию.

Я вспоминаю разговоры тех дней.

— Неделю назад в нашем городе были «ихваны»², я не знаю, как там родители. Меня не отпускают с работы, сейчас экзамены. Но я не могу так, я сам уйду... Вы знаете, когда-то я верил в аллаха до фанатизма. Да, делал намаз пять раз в день, ничего не ел в рамазан³, прямо падал от голода. Потом понял, что человек сам что-то может, стены, которые поставил

¹ Ариана — одно из древних названий Афганистана.

² Ихваны — террористическая религиозная организация «Братья мусульмане» («Ихваноль муслимин»), штаб-квартира в Каире. В Афганистане возникла в 60-е годы, объявила непримиримую войну апрельской революции.

³ Рамазан — месяц поста, во время которого верующий мусульманин может принимать пищу только после захода солнца.

коран, может сломать... Да, я понимаю, что все, что у нас сейчас происходит, это хорошо. Но почему я опять ничего не могу? Почему я не знаю даже, что будет со мной завтра?

— Дома все хорошо, ваши тренинги с директором уладятся, все будет хорошо.

— Это знает аллах... — И руки, как всегда, теребят какую-то книгу. — Почему вокруг столько крови? С людьми надо говорить, их надо убеждать.

— А если «ихваны»?

— Среди них есть хорошие люди. Они не понимают, с ними надо говорить.

— Они фанатики.

— Еще говорить. Долго говорить.

— А в это время они вас убьют.

— Нет... не знаю, но так, как сейчас, нельзя.

Я молчу в ответ... Мы (я и мои студенты) были людьми не только из разных стран, но и из разных времен, в их времени люди должны были решать вопросы, на которые можно ответить только самому, а за ошибки расплачиваются жизнями.

Студенты быстро выросли. Двадцатилетний считался умудренным опытом зрелым мужем. В свои двадцать лет они уже успели узнать радость победы, горечь потерь и разочарований, мудрость и силу прощения. Перед ними вставали далеко не детские вопросы. Когда погибали их сверстники и из домов, что напротив, даже сквозь толстые стены каменных дувалов доносились рыдания матерей, им надо было выбирать, на чью сторону встать и кого обвинять — тех, кто убил, или тех, кто послал на смерть.

Им надо было выстоять и не извернуться в вере, видя, как революционными лозунгами прикрывается насилие и террор. Они мужественно уходили в подполье и гордо заявляли:

— История покажет, кто прав!

Когда отец и старший брат уходили в горы, на плечи двадцатилетних ложилась забота о матери, младших братьях и сестрах.

И когда я думаю обо всем этом, я понимаю, что революция — это молодость, и не только потому, что страна как бы заново рождается в муках, но и потому, что делают ее, защищают ее и умирают за нее люди очень молодые.

Кабул для меня — это горы. Хотя и считается, что город расположен в долине, но на самом деле дома-дворики ползут высоко вверх, чуть ли не к снежным вершинам. Домики лепятся один к другому, один над другим, и кажется, что крыша одного — это крошечный дворик для другого.

Богатые кварталы действительно расположены в долине, там есть вода, за узорчатыми заборами бьют тихие фонтаны, вокруг домов растет огненная герань, а над крышами шелестят листьями тополя и чинары. Чем квартал беднее, тем он выше в горах: там нет воды, там улочки

кривые и такие узкие, что двум осликам не разойтись, а в переулках два встречных задевают друг друга плечами. Из настееж распахнутых дверей духанов и чайхан доносится запах чая, пряностей, дынь и кожи. В этих районах нет не только воды, там нет канализации, центрального отопления, света — всего того, что принято называть бытовыми удобствами. Но там живут люди, огромные семьи, в которых по 10—12 детей. А вечером, когда город, на мгновение погрузившись во тьму, вспыхивает тысячами окон, керосиновые лампы бедных кварталов карабкаются вверх по склонам гор, и кажется, что светятся огни десятка небоскребов.

— Учитель, завтра у нас праздник, День матери, в этот день все члены семьи утром приходят к маме, поздравляют ее, дарят подарки.

— А что вы собираетесь подарить своей маме?

— Чадру, новую и светлую. — И мы улыбаемся друг другу улыбкой непонимания.

В этом году в техникум на первый курс приняли девять девочек. Впервые в истории Афганистана девочки захотели научиться делать машины и получили на это право.

Появление девочек было сенсацией, к нему готовилась не только администрация техникума. Ребята подтянулись и приоделись. Начались занятия, девочки занимались в отдельной группе, держались гордо и независимо, но всегда все вместе: в столовую вместе, в спортзал, в мастерские и даже домой уходили вместе. Поначалу возникало много курьезов.

После занятий мы вместе со студентами выходим из аудитории, нам навстречу — группа девочек.

— Учитель, поздоровайтесь с ними и спросите, как у них дела.

Я понимаю, что мне предлагают роль посредника, она мне не нравится:

— Поздоровайтесь сами и сами узнайте все, что хотите.

— Нет, учитель.

Девочки проходят мимо, ребята расстроены. Потом я узнаю, что в Афганистане абсолютно не принято здороваться на улице с незнакомой женщиной, это может ее обидеть, более того, у мужа нельзя спрашивать о здоровье жены, расспрашивать о ее жизни, называть в разговоре по имени — все это считается проявлением чрезмерного любопытства и нарушением традиций.

Идет подготовка к концерту, студенты разучивают сказку Корнея Чуковского «Муха-Цокотуха», роль Мухи они хотят попросить исполнить девочку-студентку. Для этого ведутся длительные переговоры сначала с ее братом, который учится здесь же, в техникуме, потом с отцом. Наконец разрешение получено, но только с условием, что на всех репетициях будет присутствовать старший брат. Ну что ж, согласны. Репетиции начинаются, как было условлено, в восьмом ряду — старший брат, и все идет прекрасно до слов:

Муху за руку берет
И к окошечку ведет...

Брат начинает нервничать, а когда счастливая развязка уже совсем не за горами и

Веселится народ —
Муха замуж идет
За лихого, удалого,
Молодого Комара!

Брат не выдерживает, гневно размахивает руками, берет девочку за руку и уводит ее со сцены. Никакие объяснения и уговоры не помогают, он все понимает, понимает, что это искусство, кивает, соглашается, что театр — это не жизнь, но всякий раз, когда сказка подходит к финалу, грозный брат не дает ей кончиться счастливо. И роль Мухи приходится отдать самому маленькому мальчику в группе.

Но через несколько месяцев в программе концерта, посвященного окончанию учебного года, стояли имена почти всех девочек — они пели, танцевали (правда, пока только одна, самая смелая), читали стихи.

Из окна моей квартиры видны горы — огромные, оранжево-коричневые глыбы на ярко-синем небе, причудливо разрисованном белыми узорами газовых нитей патрульных самолетов. На вершину одного из холмов, взявшись за руки, цепочкой карабкаются люди, все мужчины в белых, голубых легких национальных одеждах. Раздаются глухие удары барабана, отбивающего ритм какой-то тревожной песни, слов и мелодии не слышно. Добравшись до вершины, люди начинают медленно и лениво, в ритме, заданном барабанным боем, выполнять какие-то странные движения, похоже на то, как если бы в руках у них было оружие и они разом бы вздымали руки вверх, приветствуя победителей, а потом устало опускали бы их вниз. Садится солнце, заливая людей и горы пунцовым светом. Я смотрю внимательней и понимаю, что люди танцуют. С каждой минутой движения становятся резче и определенней, темп все убыстряется и убыстряется, теперь уже трудно уследить за сменой фигур танца, и, наконец, он превращается в нечто шаманское и экзотическое, в ритуальное действие, заклинающее жизнь и смерть.

Назавтра мне рассказывают ребята, что это были они и их друзья-солдаты, которые получили двухдневный отпуск и пришли в гости в общежитие, а потом, когда места для веселья стало мало, вся кавалькада высыпала на улицу.

Танцевали они национальный танец атан, воинственный и гордый, раньше его исполняли мужчины, уходя на бой и возвращаясь с победой: атан — танец веры и независимости. Круг воинов-братьев может быть совсем маленьким, всего несколько человек, а иногда он охватывает кольцом единого ритма целую площадь.

Студенты любят танцевать, они танцуют везде — на переменах в узких коридорах и заставленных партами классах, на освещенных солнцем склонах гор, в дни всенародных праздников на площадях и улицах Кабула. А однажды мне даже довелось увидеть, как во время концерта в техникуме

на сцену выскочил один из министров с кобурой на поясе и закружился вместе со студентами в зажигательном вихре музыки.

Атан — это древний танец, но его исполняют в Афганистане и сейчас. Рубаи Хайяма и газели Хафиза¹ — это старые стихи, им подражали десятки тысяч юношей на протяжении многих веков, но и сейчас в Афганистане эти бездонные строки твердят наизусть влюбленные студенты. Традиция уважения старших и почитание учителя — это старая традиция, но и сейчас в Афганистане сын не сядет за стол раньше отца, а учителя не принято называть по имени, а только муалем (учитель) или оstad (мастер) — как звание. Древние обычаи и древние предания — часть духовной жизни современного Афганистана, а не ностальгическое воспоминание о прошлом. Афганские юноши органично и просто, без каких-либо специальных интеллектуальных усилий ощущают себя и свое время частицей тысячелетней истории своей страны.

— Учитель, вы знаете Чингиза? — спрашивает меня студент-хазарец².

— Какого, что из 102-й группы?

— Нет, Чингисхана.

Я растерянно киваю:

— Да-да, конечно, он был великим завоевателем.

— Он мой прапрадедушка.

Улетали мы тоже на рассвете. Стояло начало лета, прошел почти год, и было жалко расставаться с далекой, но теперь такой близкой страной. Не хотелось думать, что завтра из своего окна я уже не увижу горизонта, вздыбленного горами, туманностей облаков, лениво выползающих из ущелий; дрожащих серебром листьев тополей и желтым блюдцем луну в колыбели Шир-Дарвазы.

Не услышу по-детски нежную и трогательную мелодию дудочки, прерываемую гортанным пением муэдзина, но все же одерживающую верх над этими сильными и властными звуками; глухие удары барабана, сзывающего на праздники и на митинги; шум базара — звонкое, на все лады повторяемое «парва надарад», монотонное, как у кукушки, «и-а, и-а» осла, скрип телег, бляние овец и гул патрульных самолетов.

Я не увижу красивых мужественных лиц, сверкающих в улыбке; напоенных зноем и ветром внимательных глаз; посеревших от пота, пыли и ночных боев солдат, вызывающе теребящих розы в длинных пальцах; пыли, зноя, нищеты и гордого достоинства...

¹ Омар Хайям жил в конце XI — начале XII века, Хафиз (Шамседдин Мухаммед) — в XV веке — поэты, классики ирано-таджикской поэзии.

² Хазарейцы — одна из народностей, населяющих Афганистан, считается, что хазарейцы — потомки воинов Чингисхана.

В январе — сентябре 1980 года в Народной Республике Кампучии по просьбе правительства этой страны под эгидой Международного Красного Креста работал первый подвижной медицинский отряд Советского Красного Креста. Руководила отрядом кандидат медицинских наук Т. В. Кузнецова.

Есть фотография: Кайрат, еще полный и безусый, с мокрыми от купания в Сиамском заливе волосами, смотрит прямо в объектив. Это по дороге к месту работы, когда отряд медиков из СССР в ожидании рейса на Пномпень был в огромном Бангкоке, где повсюду почему-то распространялся запах кухни.

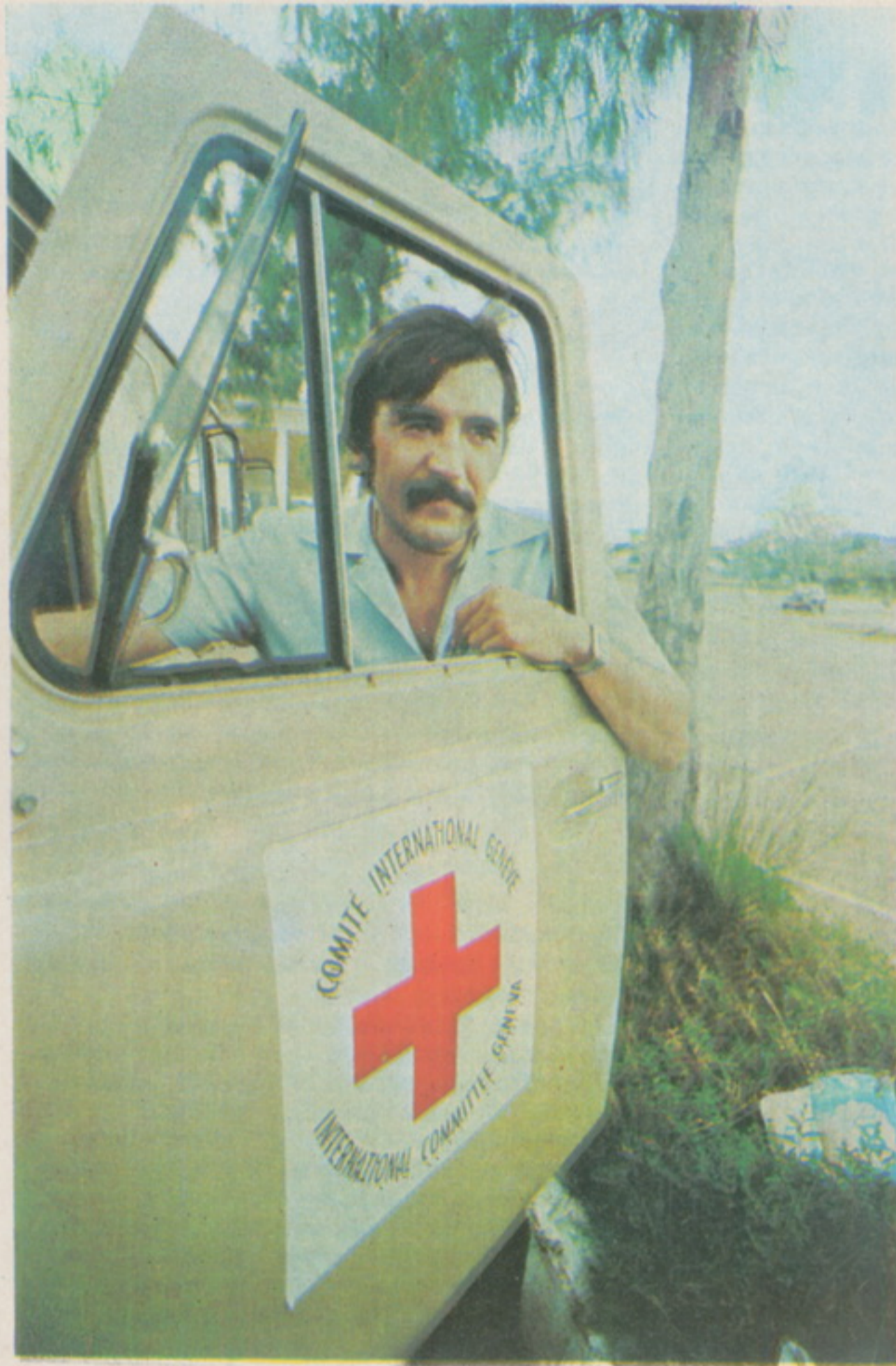
Купание вызвало недоумение города, по крайней мере той части его населения, которая оказалась в районе пляжа. В этот день стояла необычная прохлада — плюс 22 градуса, и никто не рисковал лезть в воду. Тем, кто стоял поближе, переводчица объясняла, что это русские врачи: Россия... Сибирь...

Вернувшегося Кайрата Байгарина трудно сравнивать с этим фото. Он заметно похудел и отпустил усы. Слово возмужал.

В Пномпень отряд прибыл в самую январскую жару, когда кожа европейца обгорает на солнце за три минуты. Однако это первое почти туристское впечатление было важно для отряда не как примета экзотической страны. (Экзотическую страну они рассмотрели потом, когда работа наладилась.) Январская жара была сначала лишь условием предстоящей работы. К жаре надо было просто привыкнуть. И к жаре было просто привыкнуть. А когда они увидели город...

Город напоминал пловца, которого насильно держали под водой до последнего, и вот он, наконец вырвавшись, делал первые жадные глотки воздуха. Приходил в себя. После страшных четырех лет господства в Кампучии Пол Пота, правления, поставившего под угрозу само существование кхмерского народа, страна и ее измученные люди дышали свободой.

Те, кто выжил, нуждались абсолютно во всем: в жилье, в работе, в медицинской помощи. В освобожденной стране остались еще «достижения» тирании. Именно: ставшие былыми школы, больницы, памятники культуры, бывшие в допотоповском прошлом, и зловещие «памятники» смерти и недавнего прошлого — тюрьмы. Сколько лет понадобится, чтобы страна, отброшенная в прошлое, восстановила свою жизнь так, чтобы ничто в ней о таком прошлом не напоминало? Чтобы выросли и возмужали дети в счастливых семьях? Прошел всего год со дня освобождения...

ПОСЛЕ ТОГО, КАК ЛЮДИ ВЫЖИЛИ

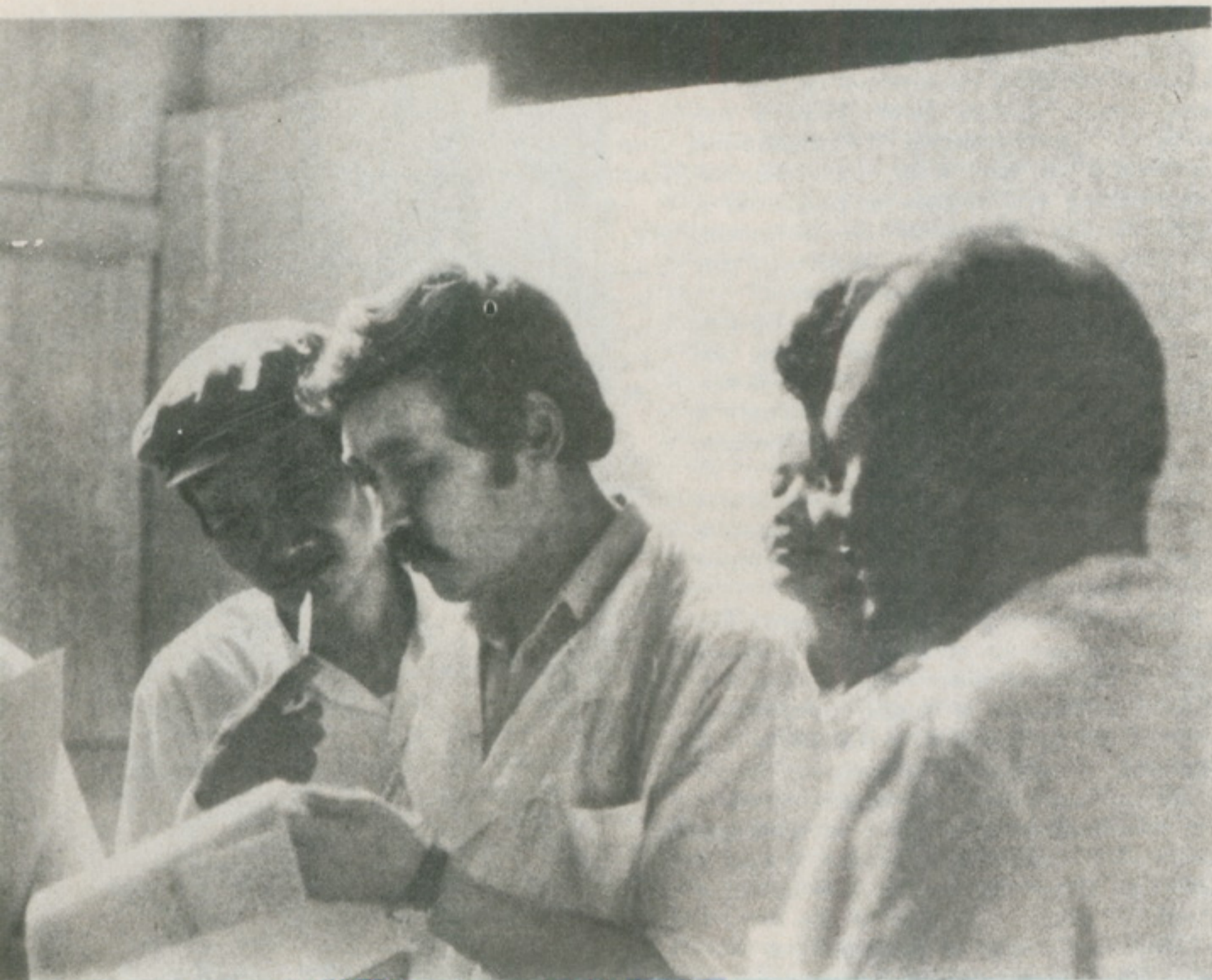
М. ДАДИОМОВ,
В. ЛОГИНОВ (фото)

Прошел целый год со дня освобождения. Советские врачи были первыми зарубежными медиками, появившимися в стране. Привезли с собой медикаменты, детское питание, сухое молоко, кое-какую провизию для себя, два санитарных автомобиля УАЗ.

Машинам здесь не могли нарадоваться. Они расширяли зону действия отряда практически на всю провинцию. Проблема состояла только в том, чтобы не наехать на отвыкшего от автомобилей велосипедиста или возницу. Здесь люди успели забыть и правила, и само дорожное движение.

...Участковый терапевт Володя Верещагин работает в 155-й московской поликлинике. В госпитале в Токмао к нему, как и к любому врачу из отряда, могли прийти на прием сто человек, и помощь нужно было оказать всем, кто пришел. Сто — это цифра точная: не «литературная» — арифметическая.

Министр здравоохранения, вручая нашим врачам перед их возвращением на Родину одну из двух существующих пока в стране правительственных наград «За освобождение Кампучии», сказал, что отряд обслужил более тридцати тысяч человек.

Тридцать тысяч! Четыре терапевта, два фельдшера, две медсестры (и два водителя) оказали им врачебную помощь за неполных девять месяцев.

Среди больных встречались иногда совершенно здоровые. Сначала думали, что это дефект перевода. Приходит такой пациент, а чем страдает, не узнать: мнется, что-то говорит, но от чего лечить, неизвестно. Потом работники госпиталя объяснили. Здоровые приходят пообщаться — посмотреть

на русских врачей, спросить, рассказать. Соскучились по человеческому общению. Нельзя было обижаться на таких посетителей за то, что они отнимают время. И не обижались.

Каждый раз, когда «узики» от гостиницы «Монором», где жили наши медики, направлялись к госпиталю в Токмао — центральному госпиталю провинции Кендал (на территории этой провинции находится и Пномпень), за машиной бежали ребята.

— Что они кричат? — спросил Логинов переводчицу.

— Кричат, — ответила она.

— Им что-нибудь надо?

— Нет, просто кричат — рады.

Приехав в селение, Кайрат Байгарин, фельдшер Болокин и водитель Отлеснов идут сквозь длинный тесный коридор маленьких кампучийцев. Дети хлопают в ладоши, а те, что поближе к фотоаппарату, смотрят в объектив.

Как только в селах начали разворачиваться медпункты, ни один «кум» (так называют сельские населенные пункты) или «срок» (район) не открывал их без русских врачей, которые не только «освящали» больничку, но и оставляли там набор медикаментов, давали наставления, указания, рекомендации, которые воспринимались неукоснительно и цепко. Здесь среди болезней встречались такие, как туберкулез и даже холера. Любой практикующий терапевт обязан знать лечение и ход таких болезней, которые никогда не встречались в его практике. Верещагин знал, как лечить холеру.

Но холера оказалась не самым страшным. Пришел больной пятками вперед. Это ему в тюрьме задавали вопросы, на которые он не мог или не хотел отвечать. Приходили люди со следами гвоздей в ногах. Возможно, их и не спрашивали ни о чем, а калечили так от тупой безнаказанной злобы. Нет справочника с рекомендацией врачу касательно скорейшего излечения от следов пыток, от последствий тюрьмы. Как объективно и в подробностях, как это следует врачу, заполняющему графу «анамнез», записать и заполнить эти «истории болезни»?

Медсестра Лип, сотрудница госпиталя в Токмао и переводчица, начинавшая работать еще в кхмеро-советском госпитале, построенном с помощью Советского Союза в 1961 году, потеряла в годы режима пятерых детей. Остался один сын. Кхмеро-советский госпиталь полпотовцы закрыли. Рядом взамен (или в насмешку?) построили деревянный барак, очень смахивающий на тюремный: лечись!

А госпиталь в Токмао раньше служил тюрьмой. Об этом не надо было спрашивать или рассказывать: на окнах сохранились решетки, на нарах — приспособления «для фиксации узников». А нынешний главный врач госпиталя Ням-Ним — единственный человек из всего персонала с высшим медицинским образованием.

В мае отряд пригласили на раскопки только обнаруженной в куме Баты тюрьмы. Видимо, все ее узники были уничтожены, и неизвестно, сколько бы еще о ней ничего не знали, если бы не бывший полпотовский солдат. Он указал.

Тюрьма располагалась в некотором отдалении, в здании сельскохозяйственного техникума. Людей здесь не просто убивали. Им подесагеро связывали руки колючей проволокой, подсоединяли ее к тракторному магнети и пропускали ток. Когда люди падали от электрошока, им проламывали головы.

Откопали останки более чем пяти тысяч человек.

Медсестре Инне Гладилиной в Баты сделалось плохо.

Нет, страна нуждалась не просто в медицинской помощи — в реанимации.

На станцию в Пномпень пришел паровоз без состава. Поезд и пассажиров обстреляли недобитые полпотовцы из засады, устроенной на железной дороге, соединяющей Пномпень с северо-западными районами страны. Метили в паровоз, но попали в первый вагон. Потом обстреляли пассажиров. Раненых дорезали на месте.

Несмотря ни на что, город оживал на глазах. Все больше становилось жителей, запускались фабрики, стал функционировать общественный транспорт. Появились даже такси. «Таксовелосипеды» легко было узнать: багажник обмотан мешковиной, тряпками или еще чем-нибудь мягким.

Восьмого марта Инна Гладилина приняла тройню, трех парней.

Где-то с июля стали поступать приглашения и на концерты. Открывались учебные заведения: кому-то из интеллигенции удалось спастись. Но как?

В отряде знали историю переводчика Седача и Сарета, руководителя здравоохранения провинции Кендал. Хотя было известно, что Седач образованный человек, его не убили, потому что он с удивительной ловкостью забирался на пальмы без всяких приспособлений. А Сарету жизнь спасло то, что он оказался выдающимся сборщиком кокосовых орехов.

Со временем работа стала не то что легче — налаженной. Был специально составлен и размножен на ротапринтере краткий справочник по дозировке лекарств. У медсестры Светы Казаковой образовалась «сандружина». Произошло это как-то само собой с началом каникул в школе. Девочки 11—12 лет приходили каждый день, как на работу, помогать «маме Свете». Рабочий день нередко заканчивался концертом. Девочки танцевали.

Танцевать здесь учатся едва ли не раньше, чем говорить. На одном из таких импровизированных концертов двухлетняя девочка исполняла под пение матери сложный кхмерский танец с грацией и серьезностью настоящей танцовщицы.

Госпиталь в Токмао расширялся. Заботливые кхмерские медики, борясь с языковым барьером, решили создать серьезный филологический труд. Они

составили разговорник для русских врачей, с помощью которого можно задавать вопросы пациентам на кхмерском языке. Слова были даны в латинской транскрипции. Разговорник получился, по всей видимости, неплохой, потому что пациенты радостно и обстоятельно отвечали на вопросы. Вот только что же они отвечали? Пришлось вернуться к переводчикам.

Работала в отряде и выездная бригада. Как только возникла идея ее создания, врач московской «Скорой помощи» Кайрат Байгарин попросился в бригаду. Напарником к нему пошел фельдшер Николай Болокин.

Три раза в неделю по бывшим дорогам, по уставшим и расшатанным временем и боями мостам провинции Кендал разъезжали на «уазике».

Мостов было особенно много. По дороге в один из сроков на 67 километрах Болокин насчитал 47 плохих мостов. И Кайрат в особо отчаянные минуты, когда Болокин пятился перед машиной, показывая, по какому бревну можно проехать, а Андрей Отлеснов, инженер-испытатель с автозавода имени Ленинского комсомола, а здесь отрядный водитель, выделял номера цирковой езды, — Кайрат в эти минуты закрывал глаза и ложился на медикаменты. Было страшновато.

По кумам и срокам развозили медикаменты, осматривали местных больных, раздавали сухое молоко, детское питание «Малыш». «Малыш» и сухое молоко пользовались огромной популярностью.

Эти рейсы многим спасли жизнь. Вповалку, вперемешку лежали без лекарств и диагнозов инфекционные, хирургические и прочие больные. Нужно было их разделить, научить близких давать лекарства, а на месте произвести мелкие хирургические операции, что и делали Байгарин с Болокиным. Тяжелых больных, особенно хирургических, срочно доставляли в главный госпиталь в Пномпене.

Как-то в госпитале появился воспитатель из детского дома, попросил какие-нибудь лекарства.

— А много у вас больных?

— Не знаю, — ответил он, — я не врач.

Решено было как можно скорее начать профилактический осмотр детских приютов.

В гостинице Кайрат продолжал работать. Он вел прием в часы своего обеда, по вечерам к нему приходили работники «Монорома», их родственники, друзья, родственники друзей и так далее, как это бывает в таких случаях. Почему выбрали именно Кайрата? Видимо, его смуглая кожа, темперамент южанина вызывали у кхмеров особое доверие. Этот поликлинический факультатив так разросся, что пришлось в номере Кайрата устраивать филиал аптеки.

К отряду привыкли так, как привыкают к человеку, вошедшему в семью,

взявшему на себя часть тяжелого труда, не гостю.

У наших медиков персонал «Монорома» брал уроки кулинарии, пробуя на слух и на вкус, конечно же, непонятное блюдо с названием «щи».

В благодарность за помощь и науку звали в гости на свои вечера и торжества. Устраивали концерты прямо в гостинице. Отряду удалось дважды отпраздновать Новый год: вьетнамский — в феврале и кхмерский — в апреле.

В редкие свободные дни показывали город, и ребята дивились экзотике, например, низкорослым лошадям, чьи подковы свободно умещались на ладони. Володя Верещагин катался на слоне. Слона увидели из машины. Володя попросил остановиться и подошел поближе. Наверху на деревянной площадке сидели три кхмера. Один из них ловко соскочил и указал Верещагину на свое место. Оно было недостижимо высоко. Тогда кхмер дернул слона за ухо, и тот согнул ступенькой переднюю ногу. У Володи не хватило духу отказаться, и он забрался слону на колено. Слон подсадил его, и он очутился на площадке. Можно было ехать. Оказалось, что слон бежит очень быстро, а сиденье двигается плавно, без тряски, как поезд.

В «Монором» пришел молодой энергичный парень по имени Лен. В отряде его знали: он работал в госпитале в Макомпуле, и ребята звали его на русский манер Леня.

— Я слышал, что русские любят ловить рыбу, — сказал он. — Завтра приглашаю всех на рыбалку.

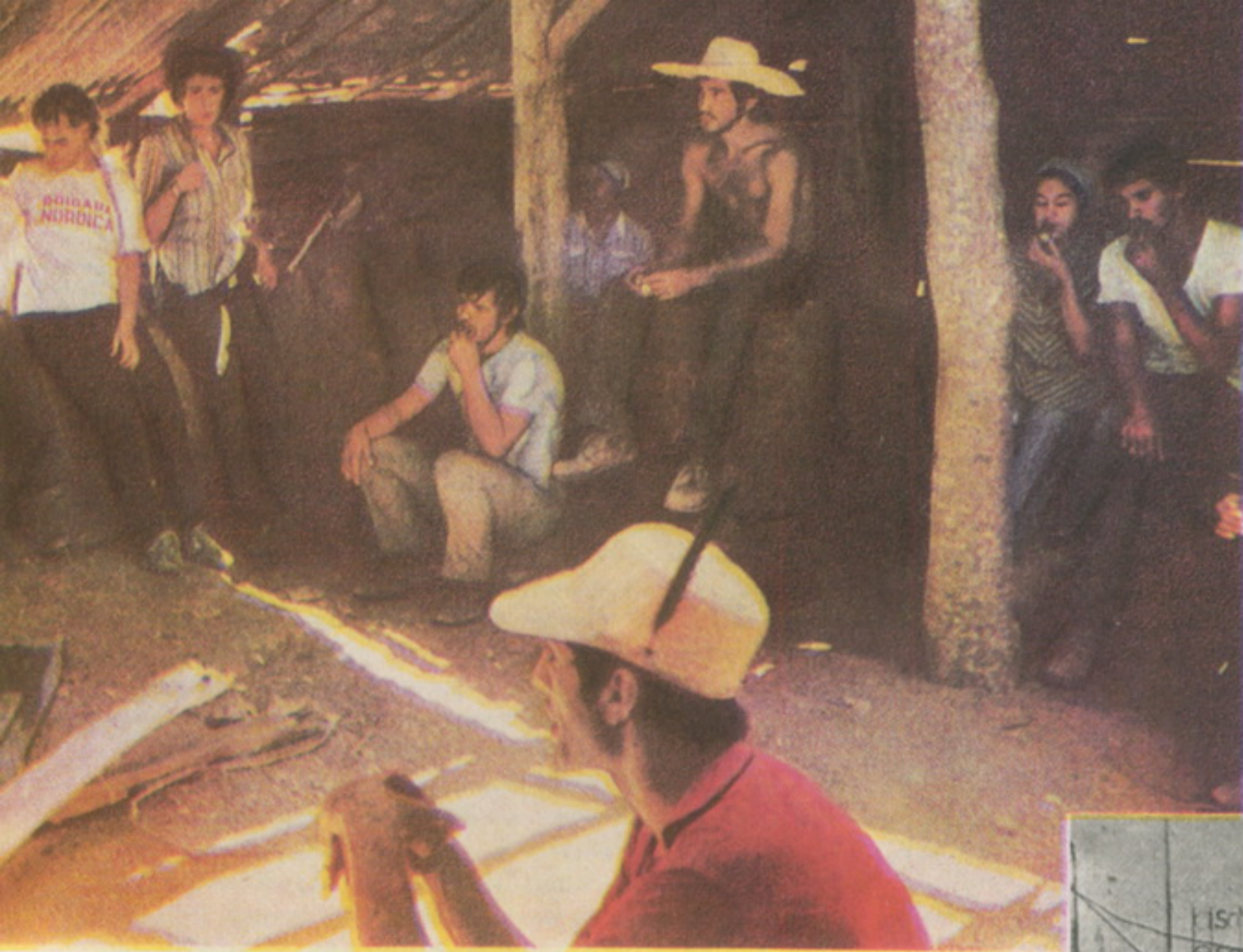
На моторной лодке по Меконгу Лен отвез ребят на небольшой остров. Никто ничего не поймал. В конце концов разожгли костер, откуда-то, скорее всего с рынка, появилась рыба, которая была приготовлена и съедена. В общем все получилось очень домашнему.

Накануне отъезда появился пожилой красивый кхмер со своими сыновьями. Его лечил, вылечил Верещагин. Потом по одному он приводил к Володе сыновей, внуков.

— Мне сказали, вы уезжаете? — начал старик. — Мы пришли попрощаться с вами.

Каждый из его сыновей произнес благодарственную речь, затем глава семьи произнес слова прощания и подарил несколько маленьких статуэток.

Валера Люгинов и Володя Верещагин много фотографировали, не жалели пленок. Снимков очень много и обо всем. Снимки любительские: никакого «ракурса», никакой композиции. Ничего не подчеркнута, ничего не оттенено — все достоверно. Страшное — страшно, интересное — интересно. «Посмотрите, это я верхом на слоне».

НИКАРАГУАНСКИЙ ДНЕВНИК

Ян КАШПАР,
чехословацкий журналист

На первый взгляд может показаться, что нет особой сложности сделать один раз в четырнадцать дней газету на 12 страницах. Так я и думал сначала. Трудность была в том, что единственным журналистом в редакции был я и моей задачей не было выпускать газету: я должен был научить этих восемнадцатилетних ребят делать ее после того, как я уеду. И так мы чередовали написание материалов и лекции, чтение корректур и семинары, практические занятия и составление макета нового номера. Та же группа, что делала газету, должна была ежедневно готовить часовую передачу на телевидении и трехчасовую на радио, плюс к этому контролировать, учить и руководить работой 20 корреспондентов по всей стране и, наконец, поставить на ноги распространение печати. Так что это была настоящая работа, и, несмотря на постоянный недосып и усталость, я не жалел, что не удалось поехать с Бисмарком Эреро в горы.

Особенно я радовался, когда мне выпадала возможность поехать в город на красном велосипеде «бенотто». Я ездил среди развалин по несуществующим улицам старого города, где однажды меня укусил бродячий пес. Мне пришлось вернуться на полковничью виллу и попросить йод и бинт. Мой сосед, костариканец, с очень торжественным видом протянул мне пистолет:

— Ты должен застрелить эту собаку, отрезать ей голову и отнести голову в лечебницу. Там тебе сделают двенадцать уколов в живот.

Я был сражен множеством дел, которые мне предстояло сделать, и поэтому решил не делать ни одного. Серхио нашел, что я поступил правильно.

Про Серхио можно сказать, что он так же стар, как борьба Фронта национального освобождения имени Сандино за Никарагуа без Сомосы. Потому что он родился (в 1960 году), когда начали создаваться первые отряды ФНОС: когда Серхио было три года, погибли Хорхе Наварро и Франсиско Буитро, первые два в длинной череде погибших партизанских командиров. Когда ему было семь, погибли Сильвио Майорго и Ригоберто Крус, еще два командира. Когда ему было девять, был схвачен гвардейцами и заточен в тюрьму основатель сандинистского движения в 60-е годы Карлос Фонсека, а когда ему было десять, отряд ФНОС из тюрьмы Фонсеку освободил.

Когда ему было четырнадцать, свершилась одна из самых дерзких и легендарных акций ФНОС. Отряд ФНОС захватил виллу бывшего министра Кастилья в центре Манагуа и несколько дней держал в ней заложников, которых удалось обменять на одиннадцать руководителей сандинистского фронта. Когда ему было шестнадцать, погиб-

ли Карлос Фонсека и Эдуардо Контрерас, один из руководителей акции на вилле Кастилья. И с этого года началась собственная история жизни Серхио, неотделимая от истории ФНОС.

Когда Серхио было семнадцать, началось великое октябрьское наступление, которое с небольшими перерывами продолжалось до 1978 года и в 1978 году переросло в первое восстание. Сомоса его подавил, но сандинистское движение извлекло из своего поражения полезные уроки. И в мае 1979 года началось второе восстание, которое и закончилось победой 19 июля.

В мае 1979-го Серхио было девятнадцать и он воевал с автоматом, отбитым у гвардейца Сомосы, на улицах Манагуа. Через год у Серхио не было в руках автомата, но было здоровое понимание обстановки. Он сидел в прохладном дворике бывшей полковничьей виллы и смотрел, как я пытаюсь забинтовать свою укушенную ногу.

— Не бойся,— сказал он. Я ответил, что не боюсь.— Бояться нечего,— продолжал он.— Здесь никто не делает собакам прививок. А эти дикие псы всегда кусаются. Привыкни к этому.

И я решил привыкнуть.

3. ДОЧЬ ЗЕЛеной КУКУРУЗЫ

Бригада имени Оливерии Кастаньеда де Леон работала на плоскогорье Сан-Андрес, в 30 километрах от столицы. В начале мая я провел четыре дня в горах среди членов бригады. Мне казалось, что это будет прекрасный отдых после бессонных ночей над газетными полосами.

5 мая. В полдень приезжаем в Матеаре. Это маленький городок на двадцатом километре старой леонской дороги. Вместе со мной в горы идет Мария-Елена, девушка из Коста-Рики. Она работает в Манагуа, но две недели назад уже была в Матеаре. Сюда спустился с гор вьетнамец Нам, у него разболелся живот, и Мария-Елена выхаживала его. Сейчас Нам уже вернулся в бригаду, но Мария-Елена хочет его проведать: действительно ли он совсем здоров?

С нами в горы пойдет и Сантьяго, член бригады из Доминиканской Республики. Он ездил на пару дней в Манагуа лечить ногу, которую поранил мачете. Сантьяго единственный из нас знает дорогу из Матеаре до самого Сан-Андреса.

Идем в штаб армии ликбеза. Люди в штабе выглядят страшно усталыми. Они энергично отговаривают нас идти без провожатых. Вчера кто-то слышал в паре километров от Сан-Андреса перестрелку. Они предлагают нам остаться в штабе до утра. А утром с нами пойдут два парня, у которых дело в соседнем с Сан-Андресом районе Юка. Нам их предложение кажется не стоящим внимания. Они имеют единственное ружье, и лучше, чтобы оно осталось в штабе. Мы прощаемся и отправляемся в путь одни.

Первый час мы идем по неглубокому, как корыто, ущелью в густом кустарнике. Я иду первым и задаю скорость. Делаю первую глупость (потом их будет столько, что и считать не стоит): идем очень быстро, а я понятия не имею, сколько нам еще предстоит пройти. Об этом никто из нас не думает, а Сантьяго уверенно заявляет, что идем правильно и он прекрасно знает дорогу. Через час перед нами вырастает почти отвесная скала. Сантьяго успокаивает, что это самый трудный участок дороги, а там пойдём по ровному плоскогорью. Карабкаемся вверх. Хватаемся за какие-то корни, ветки, выступающие камни. На спине у каждого из нас по рюкзаку, в руках я несу гамаки, в которых мы будем спать, а Сантьяго — газеты для бригады и аптечку Марии-Елены.

Через час мы добираемся до вершины скалы полумертвые от усталости. Десять минут отдыхаем, отпиваем немного воды из бутылки. Замечаю дерево с чем-то по виду напоминающим сливы. Пытаюсь нарвать, никарагуанские сливы оказываются невероятно кислыми. Идем по плоскогорью. За первым же поворотом нас ждут два парня из штаба: они шли более короткой и удобной дорогой. Они смеются, Сантьяго делает вид, что ничего не случилось. Двое из штаба говорят, что пойдут с нами почти до самого Сан-Андреса. За полчаса доходим до первого жилья. Это старый грязный сарай. На крыше черно-красный флаг сандинистского фронта. Это значит, что здесь работает учитель. Сейчас он спит в тени под пальмой. Мы его будим. Он просыпается и радуется нам так, будто мы его самые родные люди. На скамейке за домом сидит полуслепой старик. Он указывает нам дорогу. Дорогу мы знаем, а у него берем немного воды. Воды в горах нет. Старик привозит ее в бочке на паре волов из Матеаре. Дорога долгая и тяжелая. Там, где прошли мы, волам не пройти. Один баррель воды стоит полдоллара. Старик живет тем, что продает воду. Парень-учитель учит читать и писать его дочь и внука.

Идем дальше. Перед нами открывается вид на все плоскогорье, поросшее пальмовыми рощами и колючим кустарником. Дорогу то и дело перебегают ящерицы, нас сопровождает целая стая зеленых попугаев. Слева глубоко под нами видна столица. Это все равно что взглянуть из средневековья в современность. Когда два месяца назад интернациональную бригаду направили в Сан-Андрес, все были возмущены: считали, что их жалеют, направляя так близко от столицы, когда в стране есть такие глухие углы. Там интербригадисты смогли бы доказать, что они способны выдержать любые условия. На самом деле в десяти километрах от Манагуа такой же глухой угол, как и везде: нищета и оторванность от мира всюду одинаковы.

Парень из штаба включает радио, передают сандинистские песни, он подпевает, широким шагом идет впереди по мелкому чистому песку под пальмами.

Сантьяго все время бурчит: ему хочется пить, ему хочется есть, он устал... Когда парни из штаба встретили нас, они взвалили на себя наши рюкзаки, у них с собой не было ничего. Так что идти теперь нам легче, но все равно мы отстаем и плетемся сзади. Еще полчаса, и ребята из штаба, заверив, что мы уже почти на месте, сворачивают в сторону, к Юке. Мы продолжаем идти, вокруг нас крошечная тьма. Сантьяго уверенно говорит, что нам осталось от силы полчаса. Через полчаса нам навстречу попался белый вол с длинными рогами — и никакого жилья. Мария-Елена тихо отчитывает Сантьяго. Идем еще полчаса. Сантьяго утешает нас — еще полчаса, и мы среди своих. Еще полчаса ковыляем молча по дороге — и наконец мы на месте.

Мы надеялись, что в бывшем угольном складе найдем всю бригаду. Но никого нет, только два чемодана и гамак. Допиваем остатки воды. Над нами где-то на холме виден свет. Сантьяго надеется найти там что-нибудь поесть. Мария-Елена считает, что у него нет революционной ответственности за свои слова и поступки. Ужасно хочется есть, мы ничего с собой не взяли, надеясь, что нас покормят в бригаде. Минут через десять возвращается Сантьяго и с ним Умберто из Панамы, руководитель бригады, и Камило из Колумбии, член бригады. Здесь только они. Остальные члены бригады живут по всему плоскогорью в семьях крестьян — своих учеников. Но послезавтра все соберутся вместе, чтобы в десяти километрах отсюда строить дом. Назовут его «Утопия». Дом для всех. У Умберто никакой еды нет. Повесить гамаки уже не осталось сил, и мы улеглись не раздеваясь прямо на землю.

6 мая. Встали в шесть часов. Мария-Елена осмотрела свои и мои ноги: растерли мы их до крови. Она смазала их спиртом из аптечки. Болит не меньше, но зато продезинфицировали ранки. На завтрак у нас немного воды из бутылки Умберто. Сам Умберто не пьет. Он собирается уходить: надо обойти несколько домов, где живут бригадисты, сообщить, что завтра собираются все — строить дом. Мы идем с ним. Сначала к Теодоро, километров пять. Теодоро, чернокожий гигант из Панамы, ему двадцать лет, учит грамоте семью крестьянина Лопеса. Он встречает нас широкой счастливой улыбкой. Умберто говорит, что мы голодны. Теодоро, в свою очередь, говорит это хозяйке дома. Она молча идет к печке. Хозяин дома Лопес очень гордится, что у него живет бригадист, и сообщает нам, что он уже может написать слова «родина» и «революция». Теодоро учит отца, мать и младшую дочку. Двенадцатилетний сын Лопеса уже умеет немножко читать и писать и пока ждет, когда остальные ученики его догонят. Лопесу 60 лет, жене его тридцать, а дочери восемь. Лопес показывает нам свой участок земли в маленькой долине: у него там бананы, кукуруза и сахарный тростник. Ничего из этого он не продает, еле-еле хватает прокормиться самим. Чтобы купить соль, сахар, кофе, занимается к кому-нибудь побогаче батрачить. Сейчас он откармливает поросенка. Единственная мебель в доме — поломанная автобусная скамейка.

Хозяйка зовет нас к столу. Перед каждым лежит на банановых листьях немного фасоли и маленькая кукурузная лепешка. На столе стоит крохотный котелок с кофе. Больше кофе нет. Мы набрасываемся на еду. Делимся с хозяином сигаретами, он их прячет в коробочку на печи. Теодоро провожает нас до дороги и на прощание говорит, что семья Лопеса вот уже два дня ничего, кроме неспелых бананов, не ела. А мы съели запасы, что они берегли на черный день. Почему он не сказал об этом раньше? Умберто обещает ему достать фасоли и кукурузной муки для этой семьи.

Идем дальше, недалеко от следующего дома встречаем Нама. Вьетнамец обнимает всех нас, как братьев, заверяет Марию-Елену, что желудок у него в порядке, и ведет в дом, где он учит. На своем певучем испанском он торжественно представляет нам своих учеников, семью из пяти человек, со вздутыми от постоянного недоедания животами.

Сантьяго остается с Намом, после полудня он пойдет в семью своих учеников. А завтра они оба придут строить «Утопию».

Через десять минут мы возле дома, где живут и учат Алисия из Уругвая и Янош из Венгрии. Алисии нет дома, пошла навестить своего земляка Фердинандо. Янош спит, у его изголовья выточенный из дерева большой петух. Янош называет его «мой ночной брат». Мы идем вместе с Яношем в банановую рощу, там привязаны две коровы. Хозяин Яноша — богатейший человек на плоскогорье. Он может позволить такую роскошь — делать коровам витаминные инъекции, пока на плоскогорье нет травы и воды. Дней через десять начнется сезон дождей, и тогда коровы вдоволь попьют воды и наедятся свежей травы, а пока Янош делает им уколы, один в два дня.

Время обеда. Остаемся немного отдохнуть у Аниты и Рафаэля. Анита — переводчица из Хельсинки, Рафаэль — поэт из столицы Панамы. Анита живет у древнего старика с внуком и организовала школу для всех детей, живущих поблизости. Рафаэль живет за холмом в маленькой хижине один. Под крышей у него висит гроздь бананов, которые он постепенно съедает. Когда Рафаэль не занимается со своими учениками, он пишет стихи, посвященные Аните, которую пламенно любит. Перед заходом солнца водит ее по пыльной дороге и мечтает об их совместном будущем. Анита воспринимает все это с юмором: кончится кампания, и они разъедутся по домам, каждый к своим делам и заботам. Но все равно она счастлива и на его стихи отвечает своими. Ей очень нравится ее нынешняя работа, и она вдохновенно рассказывает, как она учит своих детей и какие они способные. Вместе с детьми она поет народные песни, дети льнут к ней со всех сторон: наверное, такой радости среди сытых и благополучных не встретить.

Пообедать нам нигде не удалось, возвращаемся в свой угольный склад перед заходом солнца. Развешиваем гамаки, укладываемся и наблюдаем закат. Ужасно болит поясница: Камило успокаивает — это почки болят от недостатка жидкости. В горах так у всех. Где-то за домом раздается ликующий вопль: это Мария-Елена нашла на дне рюкзака баночку с оливками. Ужинаем оливками по четыре на человека и чувствуем себя как в лучшем ресторане.

7 мая. В девять утра собираемся возле «Утопии». Большинство встало еще до солнца, чтобы прийти на место вовремя. «Утопия» — убогая лачуга, которую надо перестроить в дом. Дом должен быть большой, чистый и обязательно с новой крышей.

Девушки вырыли в земле что-то вроде очага и варят фасоль на обед. Нам укрепляет какие-то балки на крыше. Ребята готовят бревна для новой стены.

Вечером сидим возле керосиновой лампы и слушаем радио. Передают пресс-конференцию с Карлосом Нуньесом, он член руководства сандинистского фронта, ответственный за кампанию по ликвидации неграмотности. Он говорит, что кампания проходит успешно, крестьяне изучают уже шестой урок революционного букваря, а их учителя, огромное большинство которых горожане, имеют наконец возможность понять, как крестьяне живут, как жили, как относился к ним свергнутый режим, имеют возможность объяснить крестьянам, зачем была нужна революция и как новое правительство предполагает помочь им. Нуньес закончил свое выступление призывом к народной армии ликбеза строго хранить революционную дисциплину, быть бдительными к пронкам контрреволюции. Дослушав пресс-конференцию, выключаем радио, тушим лампу. Камило, возможно, под влиянием услышанного идет проверить, заперта ли дверь. Раздается дружный хохот. Ведь у дома пока только три стены. Умберто говорит: «Дверь запрешь завтра, когда поставим стену».

8 мая. Строительство продолжается. Здесь вся наша бригада имени Оливерии Кастаньеда де Леон: Клементина из Анголы, Сантьяго, который боится змей, Эдвин из Пуэрто-Рико, невозмутимый перуанец Оскар, Хуан-Хосе из Аргентины, он выше самого высокого из нас сан-

тиметров на десять. Два пуританина — Эрнесто из Сальвадора и Николас из Гватемалы — не допускают никаких шуток, никаких анекдотов, но учат великолепно... Здесь Рафаэль и Анита, дочь зеленой кукурузы, как называет ее в стихах Рафаэль за золотистые волосы.

Мне пора уезжать. Я прощаюсь.

4. ЕЩЕ ОДНА ВСТРЕЧА

Бежали дни. Я уже не жил у мамы Эреро, Джульетта нашла себе дело, а бродячих псов я обходил широким кругом. Дочь зеленой кукурузы осталась в горах, а я продолжал работать в редакции «Эль бригадиста».

После обеда я сидел за видавшим виды столом в редакции и смотрел на стену. Было жарко, по стене ползла ящерица. Редакция помещалась в маленьком белом деревянном доме, который стоял в саду, заросшем акацией, высокими манговыми деревьями и низкими кустами кактусов. Уже больше часа я был в доме один. Лесли ушла еще до обеда, остальные после обеда.

Я посмотрел на дверь. В дверях стоял Томас Борхе, министр внутренних дел Никарагуа и член руководства сандинистского фронта. Я видел его на фотографиях, знал, что при Сомосе он провел несколько лет в сырой камере, практически без еды и большей частью с завязанными глазами.

Теперь он стоял в дверях редакции и смотрел на захлапанный пол. Подошел к окну, а за окном еще хуже. Там валялись старые платья и ботинки из бывшей полковничьей виллы.

— Кто выбросил туда эти тряпки?

Я не знал и потому молчал.

— Почему не уберешь?

Я молчал, потому что это мне и в голову не приходило — убрать мусор в саду.

Борхе отвернулся от окна и подошел ко мне.

— Как собираетесь сделать революцию, если не умеете убрать двор у себя под носом? Завтра выберешь среди этих платьев и ботинок еще годные и отправишь крестьянам в горы. Может быть, ты не знаешь, что большинству из них не в чем ходить...

Я это знал. Не знал я только, зачем пришел министр внутренних дел к нам в редакцию.

Он улыбнулся:

— Где та девушка с магнитофоном? Пригласила меня на беседу, а сама сбежала...

Так вот оно что! Я послал Лесли сделать интервью с министром для следующего номера газеты, но даже и не обмолвился, чтобы она его пригласила в этот свинюшник. Пошел ее искать. В саду стояли пять парней в форме, с оружием и добродушно улыбались мне. Между акациями и кактусами бежала Лесли с магнитофоном и кричала:

— Ты его видел?

Беседа прошла прекрасно. Мы все вместе вышли к воротам виллы, и Лесли с видом гостеприимной хозяйки спросила:

— Не хотите лимонаду или кока-колы?

Это был глупейший вопрос: в доме не было даже чистой воды.

А Борхе сказал: «С удовольствием», — и остановился.

— Беги миглом в магазин, — прошипел я Лесли. Но министр, ласково улыбаясь, сказал:

— Зачем же ей одной бежать в магазин, пойдете все, все же, наверное, хотят пить. Нет?

Я посмотрел на старшего из его телохранителей. На лбу у него выступил пот. Он хорошо знал этот квартал Манагуа, здесь и через год после победы по вечерам стреляли, как на охоте. А я знал хозяина магазина. Это был жулик, предатель и верный слуга сомосовского режима. Ко мне он относился с большим уважением из-за моей, на его взгляд, экзотической национальности. Он только никак не мог понять, почему я работаю на сандинистский фронт, а не открою фирму по продаже пльзенского пива.

Он единственный во всем квартале торговал сигаретами, спичками и лимонадом и наживался на этом так же,

как в свое время Сомоса в масштабе всей страны. Звали его Аргуэльо.

В Никарагуа не купить никаких сигарет, кроме как из черного табака, не купить зажигалку, не купить лимонад в стеклянной бутылке. Лимонад продается только в игелитовых пакетах, а если продавец перельет его в вашу бутылку, то за это возьмет дополнительную плату.

Такая местная «экзотика» кажется странной даже по центральноамериканским понятиям, но имеет свою логику. Сомоса был владельцем единственной сигаретной фабрики, единственной спичечной фабрики и завода по производству игелитовых мешочков и конкуренции не допускал. Революционное правительство передало эти предприятия в собственность народа, Аргуэльо простить этого не может и потому правительство ненавидит. Новая власть хотела, чтобы он продавал все эти товары по нормальным ценам, а доходы держал в никарагуанском банке. Он не делал ни первого, ни второго. Цены назначал какие хотел, покупал на черном рынке американские доллары и хранил их в банках США.

Когда в тот полдень мы вошли в его лавку, он увидел Борхе и обомлел, но попытался сохранить хоть каплю достоинства на побелевшем от страха лице. Тот факт, что его пришел арестовывать сам министр внутренних дел, лучше всего подтвердил его уверенность в громадности его преступлений.

— Кока-колу для всех,— сказал Борхе и сел.

Аргуэльо, наверное, целую минуту непонимающе глядел на него, потом бегом бросился за кока-колой.

— Как идет торговля? — спросил Борхе.

— С вашего разрешения, хорошо,— промямлил Аргуэльо.

— А где твой сын? В горах? Учит читать и писать крестьян?

Борхе спросил это просто так, чтобы поддержать разговор. Аргуэльо испуганно заморгал и наконец плаксиво загнусавил:

— Я ему говорил, я говорил: «Поезжай в горы. Ты нужен революции». А он свое: «Я работаю для революции здесь, в городе». А я ему сказал... Теперь он работает по восемнадцать часов в сутки каждый день.

— Где? — спросил Борхе.

— Где-то в области просвещения,— сказал этот старый мошенник и посмотрел на меня. Двумя днями раньше он с ухмылкой сообщил мне, что его сынок через месяц после победы над Сомосой удрал в Штаты.

— Ну пойдете,— сказал Борхе.— Сколько я должен?

— Ничего,— торжественно изрек Аргуэльо.

— Так не пойдет. Этим людям пригласил и привел я.— Борхе заплатил и ушел, к радости своих телохранителей.

На следующий день Аргуэльо встретил меня в лавке со встревоженным лицом.

— И не думал, что у тебя такие влиятельные друзья,— сказал он и всунул мне в руку голландскую сигару. Сигару я ему вернул, но он так и остался при убеждении, что я каждый день обедаю вместе с министром внутренних дел. И каждый день он посылал через меня министру указы: чтобы ему поставили телефон, снизили налог, починили автомобиль...

В действительности же мы оба видели Борхе в первый и, очевидно, в последний раз. Я в конце мая вернулся домой. Аргуэльо удрал в Соединенные Штаты за два дня перед моим отъездом.

В тот день на полупустой улице по дороге в лавку Аргуэльо я спросил Борхе, чего добивается сандинистская революция.

Он довольно долго насмешливо смотрел на меня: «Если хочешь какую-нибудь этикетку, я тебе ее не дам. Этикетка хороша на сигаретной коробке, а не на таком сложном процессе...» Потом посмотрел на парней, которые разбирали руины, оставшиеся еще после землетрясения, и укладывали камни вдоль дороги, и сказал: «Революция будет делать то, что потребуют эти люди. Так что спроси их, а не меня. Я только солдат, который выполняет их указы...»

Вот и все.

Прохладный полуденный дождь падал на огромную долину, лаская маис на горных склонах, оmyвая сухую и пыльную соломенную крышу хижины. Где-то в мокрой дождливой мгле женщина старательно и монотонно молола зерно между двумя кусками застывшей лавы. Недалеко, в глубине хижины, плакал ребенок.

Эрнандо стоял и ждал, пока кончится дождь, чтобы снова взять свой деревянный плуг и выйти в поле. Чуть дальше, в ложбине, кипел плотный коричневый речной поток. Бетонное шоссе — еще одна река — лежало, блестя на солнце, пустое и спокойное. Уже целый час на автостраде не появлялось ни одной машины, что само по себе было в высшей степени странно, потому что уже много-много лет не бывало часа, когда хотя бы одна машина не останавливалась возле хижины и ехавшие в ней люди не просили бы Эрнандо позировать для них. Пестрая вереница людей со щелкающими ящиками и монетками в руках. Когда Эрнандо медленно брел по полю с непокрытой головой, они обычно останавливали его, крича: «Эй, послушайте! Мы хотим, чтобы вы надели свою шляпу!»

При этом они размахивали руками, увешанными блестящими золотыми побрякушками, которые показывали время или группу крови их владельцев, или просто позвякивали, сверкая на солнце подобно паучьим глазам.

И тогда Эрнандо возвращался в хижину и надевал шляпу.

— Что-то случилось, Эрнандо? — тихо спросила жена.

— Да,— ответил он. — Что-то важное, иначе в это время суток дорога не была бы пустой.

Он медленно и спокойно вышел из хижины. Дождь падал на него, струйки воды затекали в его плетеные травяные мокасины, на которые он натянул галоши, сделанные из автомобильной покрышки. Он никогда не забудет, как ему досталась эта покрышка. Однажды ночью она неистово влетела в его дом, расшвыряв по сторонам кастрюли и кур, а машина, потерявшая одно колесо, понеслась юзом дальше, до поворота, и, на секунду зависнув на крутом берегу, упала в реку. Она и сейчас лежала на дне, сверкающая металлом, приземистая, длинная, грациозная, шикарная машина. Но видно ее было только в хорошую погоду.

На следующий день после аварии Эрнандо вырезал из покрышки галоши.

Он вышел на шоссе и остановился, слушая, как мягко стучат по бетону капли дождя.

И тут, словно по сигналу, появились машины. Сотни, целые миля машин, несущихся мимо стоящего на обочине человека. Большие, длинные черные машины, непрестанно сигналила, не сбавляя скорости на виражах, мчались на север, в сторону Соединенных Штатов. И в лицах набившихся в эти машины людей было что-то странное, что-то повергшее Эрнандо в тревожное молчаливое изумление. Он отступил на обочину и стал считать машины, пока не зарябило в глазах. Пятьсот, тысяча автомобилей, и в каждом много-много людей со странным выражением лица. Но машины неслись слишком быстро, и Эрнандо не смог разглядеть, что это за выражение.

Наконец снова воцарилась тишина. Длинные, быстрые, все с откидными брезентовыми крышами, машины эти промелькнули и скрылись из виду. Последний гудок замер вдали.

Опять опустела дорога.

Это было похоже на похоронный кортеж, на дикий, несущийся сломя голову похоронный кортеж, который, казалось, опаздывает туда, на север, в Штаты, где вскоре должна состояться какая-то важная церемония погребения. Эрнандо покачал головой и провел ладонями по бокам.

А вот и последняя машина. Да, последняя, это можно было сказать сразу, едва взглянув на нее. Окутанная облаками пара, она мчалась на максимуме своих возможностей. Старый «форд», казалось, вот-вот развалится на части.

Увидев Эрнандо, шофер резко остановил автомобиль. Что-то сердито булькало в радиаторе колымаги, заляпанное грязью, почти насквозь проржавевшие крылья громко дребезжали.

— Сеньор, окажите любезность, принесите нам немного воды! — крикнул шофер. Это был молодой человек лет двадцати, одетый в желтый свитер, белую рубашку с расстегнутым воротом и серые штаны. Дождь падал на него и пятерых молодых девушек, сидевших сзади. В машине было так тесно, что они не могли повернуться. Все они были очень красивые. Защищаясь от дождя, девушки держали над головами старые газеты, но вода просачивалась сквозь бумагу и текла на их яркие платья, на волосы, на свитер водителя. Они не обращали внимания, не жаловались, и это было удивительно. Эрнандо знал, что все, кто проезжает по этой дороге мимо его дома, всегда чем-то недовольны

ШОССЕ

Рэй БРЭДБЕРИ,
американский писатель

Фантастический рассказ

и обязательно сетуют на дождь, на жару или холод, на нехватку времени, на то, что ехать далеко...

Эрнандо кивнул.

— Я принесу вам воды.

— Пожалуйста, поторопитесь! — крикнула одна из девушек. Ее голос звучал визгливо и испуганно. Не было в нем ни малейшей нотки нетерпения, только страх. Впервые в жизни Эрнандо бросился выполнять просьбу бегом. Раньше он всегда помогал туристам медленно, степенно, с достоинством.

Он вернулся, неся воду в колесном колпаке. Этот колпак тоже подарил ему шоссе. Однажды днем он залетел на поле Эрнандо, как брошенная кем-то монета, а машина, от которой он оторвался, даже не притормозив, понеслась дальше. До сих пор Эрнандо пользовался этим колпаком как кастрюлей и котелком, и новые свои функции колпак выполнял превосходно.

Заливая воду в кипящий радиатор, Эрнандо вглядывался в обескураженные лица пассажиров «форда».

— Спасибо, спасибо вам, — пролепетала одна из девушек. — Вы и не представляете, как много сделали для нас.

Эрнандо улыбнулся.

— Столько машин за какой-нибудь час, — сказал он. — И все едут на север.

Он не хотел их обидеть, но когда вновь поднял голову, то увидел, что все они плачут, плачут навзрыд, задыхаясь. Одни — в голос, другие — едва слышно. Молодой человек тихонько гладил своих подруг и тряс их за плечи, стараясь успокоить, но у него не получалось.

Эрнандо застыл с полупустым колпаком в руках.

— Я не хотел, сеньор... — растерянно пробормотал он.

— Пустяки, — успокоил его водитель.

— В чем дело, сеньор?

— Разве вы не слышали? — Юноша изо всех сил сжал пальцами руль и подался вперед. — ЭТО случилось!

«ЭТО», очевидно, было что-то ужасное, потому что девушки в машине, вцепившись друг в друга и побросав свои старые газеты, зарыдали еще безутешней. Дождь хлестал их по щекам, смешивался со слезами, струйками стекал на пол машины.

Эрнандо вылил остатки воды в радиатор и посмотрел на затянутое черными тучами небо, в котором бушевал ураган, на ревущую, мутную, вышедшую из берегов реку. Он обошел автомобиль и приблизился к водителю. Юноша протянул ему песо, но Эрнандо вежливо отказался от денег.

— Спасибо вам! — рыдая, воскликнула одна из девушек. — Вы так добры! О мама, мама, я хочу домой... Отвезите меня домой!

Через мгновение и остальные девушки, всхлипывая, залепетали то же самое.

— Я ничего не слышал, сеньор, — сказал Эрнандо водителю. — Что случилось?

— Война! — закричал юноша, словно его окружали глухонемые. — Атомная война! Конец света, понимаете?

— О сеньор, сеньор, — пробормотал Эрнандо.

— Спасибо, спасибо вам за помощь, — быстро проговорил молодой человек. — Прощайте, сеньор.

— Прощайте, — хором повторили девушки, не видя Эрнандо за пеленой дождя.

Он стоял и смотрел, как удаляется последняя машина с пятью красивыми девушками, защищавшимися от дождя старыми газетами. Он не двигался. Холодные капли бежали по его щекам и пальцам, затекали в плетеные башмаки, а он все стоял и стоял, настороженно и напряженно, сдерживая дыхание. Он смотрел на дорогу и знал, что теперь она долго-долго будет пустой и спокойной.

Дождь кончился. В просвете между тучами показалось небо. Сладкий ветер принес аромат джунглей. Эрнандо слышал легкое, нежное журчание реки и видел вдали деревья, зеленые и свежие.

Он прошел через поле к своему дому, вновь взялся за плуг и посмотрел в небо, уже начинавшее раскаляться от жарких лучей солнца.

Его жена на мгновение оторвалась от работы.

— Что случилось, Эрнандо?

— Ничего, — ответил он.

Он погрузил плуг в землю, прикрикнул на своего ослика и медленно двинулся вперед, в глубину поля. Он шел под ярким чистым небом, а рядом текла спокойная глубокая река.

— Они сказали «света», — тихо пробормотал он. — Интересно, что они имели в виду?

Перевел с английского А. ШАРОВ

Рис. Н. БЕНУА

СПОРТИВНЫЕ НОВОСТИ

«Бедному человеку переплыть Ла-Манш не под силу» — этот горький вывод сделал не один десяток спортсменов, вознамерившихся получить специальный приз английской газеты «Дейли мейл». Дело в том, что газета выделяет энное количество фунтов стерлингов каждому, кто преодолевает вплавь Ла-Манш в самом узком его месте, там, где расстояние между Великобританией и Францией не превышает 33,8 километра. Но вот в чем беда: даже войти в воду, чтобы пуститься в опасное плавание, может далеко не каждый — удовольствие это стоит ни много ни мало тысячу фунтов. Катер сопровождения со спасательной командой, гостиница на берегу, где спортсмен ждет старта, — все стоит денег бóльших, чем приз «Дейл мейл». Так что получается, что счастливчик, переплывший пролив, в деньгах отнюдь не выигрывает. Но зато «паблисити»... ради него залезешь и в воду и... в долги.

УВИДЕТЬ В ПРОШЛОМ ДЕНЬ СЕГОДНЯШНИЙ...

Акира Куросава отснял свой двадцать седьмой фильм. Известный японский кинорежиссер вновь обратился к ушедшим в даль веков временам. Действие фильма «Двойник» разворачивается в период острой междоусобной борьбы крупных японских феодалов — 1573—1575 годы — время зарождения и подъема воинственного самурайского духа. Воинские доспехи героев — шлем и панцирь из лакированной кожи — весят 40 килограммов, это подлинные вещи XVI века. Понадобилось сделать 150 тысяч проб, чтобы отобрать 500 человек, пехотинцев и всадников, для участия в картине. «Но там, где западный зритель увидит, возможно, лишь развлекательное зрелище, — говорит А. Куросава, — японцы найдут нечто более значительное: скрупулезное воссоздание критического периода своей истории, задумаются над проблемами сегодняшней Японии. Ведь корни многих социальных пороков зарождались и развивались именно тогда, в глубине веков. Я хочу показать самураев такими, какими они были, — без идеализации, потому что слишком многие жаждут возрождения «самурайского духа» — духа воинственной, милитаристской Японии».

ПРОИГРАВШЕМУ — СМЕРТЬ!

Не беремся утверждать, что состязание, один из напряженнейших моментов которого вы видите на снимке — крабьи бега, — самое оригинальное в мире. Бывают и похлестче. Но способ наказания проигравших отличается жестокостью невероятной: их бессовестно съедают. Надо же подсластить горечь поражения.

Впрочем, в последнее время подобное развлечение стало еще и опасным: Чесапикский залив в штате Мэриленд, США, откуда берут крабов для ежегодного традиционного дерби, настолько загрязнен сточными водами, что неизвестно, какую гадость можно подцепить, вгрызаясь в клешню неудачника.

ВАМ, ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫЕ

Немецко-русский словарь дает такой перевод слова «kitsch» — «халтура, безвкусица (в литературе, искусстве)». К сожалению, дурной вкус может быть интернационален, и уже во все языки вошло это коротенькое, как плевок, словечко. Словечко, убивающее наповал, — «кич».

Предметами «кича» торгуют по простоте душевной и специально: появилось немало коллекционеров халтуры. Вот витрина одной из американских «кичевых» лавок. И вот загадка: найдите знакомое лицо.

Врач прошел с чемоданчиком. (Когда на льду упала на пустяковом элементе Ира Юсупова и целую секунду стояла растерявшись, врач встал навтыжку, но чем он мог помочь человеку, у которого вдруг опустились руки? Он держал в чемоданчике витамины, йод...)

Ну вот, размялись немного. Попрыгали на линолеуме в коридоре перед зеркалом: шевелись, шевелись, не стой, не раздумывай, времени не дано, ноги разогревай, а улыбаться будешь потом, на льду наулыбаешься, держать! И — раз, держать. Включите, пожалуйста, музыку разминки. Лед чист, он свеж (как что?). Выходи и, губу закусив, катайся в варежках и теплых штанах.

...А то, что вы любите на экранах ваших телевизоров, что телеоператор ловит объективом, выйдет потом!

в буфете, где было тепло, и шел пар от судков с горячим, и шипела кофеварка, и на нежные пирожные роняли лепестки фантастические цветы из крема. — На соревнованиях и сборах у нас, тренеров и ребят, жизнь особенная. Суровая жизнь. Режим отработан, дисциплина жесткая. С утра тренировки, потом выступления. Им, детям, и побегать некогда. Так что на «события» времени нет.

Журналист принес еще кофе.

— Ну, случается, что коньки возьмут на одну ногу, — продолжал тренер. Казалось, ему самому было неловко оттого, что на соревнованиях не происходит ничего, кроме соревнований, и поэтому мало что можно вспомнить внепрограммное. Он твердо знал, что все, что выходит из программы, может помешать отработанному, жесткому ритму соревнований. Он против этого боролся. Спорт, особенно тогда, ког-

В о дворце был перерыв. Судьи, видно продрогнув, пили кофе, сбросив шубы и тулупы в комнате для отдыха судей.

Синяя машина — работающий жук — чистила лед, брызгала водой, полировала.

Главный рефери, человек с лицом спортсмена и внимательными глазами судьи, смотрел на яркий лед через окно в комнате секретариата.

Рабочие поправляли флаги восьми стран и большую эмблему традиционных международных детских соревнований по фигурному катанию в Волгограде, которые проходят уже в пятый раз.

«Закрой дверь, береги холод», — требовали таблички перед входом в зрительный зал.

Предоставленный самому себе зритель переживал перерыв, дыша в воротник.

Мальчишки прыгали по высоким ступеням трибун.

Вечером должна была начаться короткая программа.

Красива короткая программа. В ней, короткой по времени, заключается целая история: неожиданное, эффектное начало, стремительный бег, увлекающий за собой, кажется, саму музыку, — и взлет, стремительный полет надо льдом; и «развитие темы», и лирическая медленная часть, и величественный, значительный финал. Прокрученная быстро, программа кажется зрителям легкой игрой, но не судьям. Они самый взлет разберут бесстрастно и измерят, если небрежен. И поэтому устают и к началу перерыва чувствуют холод в зале.

Короткая программа, как все на свете, состоит из мелочей. Так же, как многое в жизни напоминает эту программу, короткую лишь для зрителей.

— Расскажите какую-нибудь историю, связанную с фигурным катанием, — попросил аккредитованный на соревнованиях журналист молодого тренера.

— Что-то смешное? — улыбнулся тренер.

— Все равно, — смутился журналист. — Живое. Разве не происходит нечто из ряда вон? Так сказать, вне программы.

— Видите ли, — начал тренер, сделав осторожный глоток кофе. Они сидели

да спортсмен выходит на большую его орбиту, вещь очень серьезная, и посторонний не должен относиться к нему как к красивому фону, на котором происходит реальная жизнь. Спорт и есть реальная жизнь.

Тренер сейчас сам был подчинен программе и не мог вспомнить, что его самого волнует, кроме того, что связано с ярким льдом за дверью с табличкой «Закрой дверь» и короткой программой, предстоящей после перерыва.

ОЧЕНЬ КОРОТКАЯ ПРОГРАММА

Н. ЧУГУНОВА,
Г. МАЛАХОВ (фото)

— Пойдемте лучше посмотрим,— предложил он, и они встали, оставив немного кофе в холодных чашках.

Из зала уже слышалась музыка разминки, как голос далекой еще волны, стремящейся к линии прибора.

Когда волна достигает берега, шум ее напоминает аплодисменты.

— Значит никаких историй?

— Никаких,— засмеялся тренер.— Сами посудите.

Они вышли в зал, и музыка плеснула в коридор, как волна.

После исполнения обязательных фигур «школы» Дмитрий Орлов, Советский Союз, держал десятое место среди двенадцати участников и имел некоторые шансы занять последнее.

Петя Гавазова, Болгария, после «школы» плакала.

— Ничего,— сказала Пете тренер Эмилия,— ничего, пойдем смотреть других.

Накануне была жеребьевка:

— Трофимова Светлана, СССР — девятнадцатый номер.

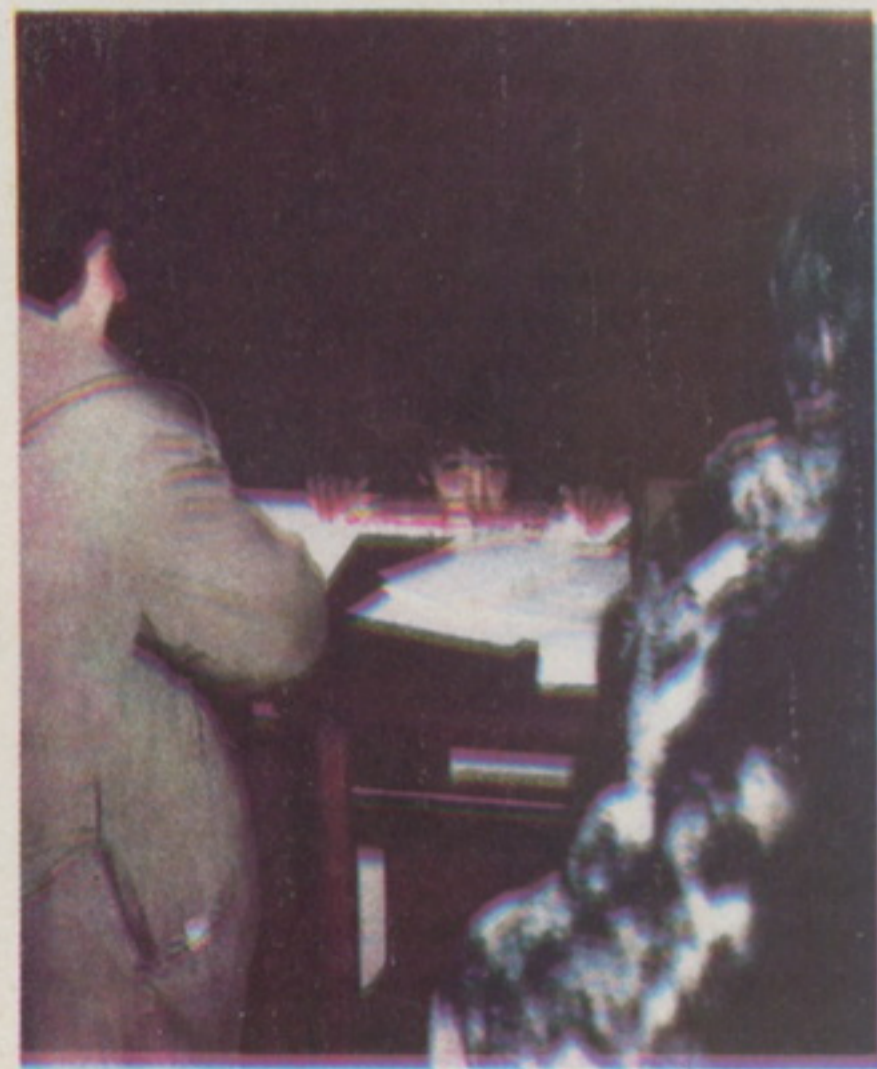
— Туукканен Сейямария, Финляндия — двенадцатый номер.

Поздним вечером Орлов лег на кровать в куртке-«олимпийке» и попытался заснуть. Но встал. Ребята среди

вещей выбрали красивейший вид Москвы, с куполами. Они вышли в коридор и долго шли по ковровой дорожке старой, с высокими потолками гостиницы. Они просунули открытку картинкой вверх под дверь номера, где жили девочки из финской команды. И бросились под диван в коридоре, но все под диван не прошли и скорчились в темном пространстве. В номере засмеялись, и дверь открылась: финская девочка выглянула в коридор. Кому досталась Москва с куполами? Лучший город на свете.

Днем Орлов сидел на трибуне и мял в руках полиэтиленовый мешок для сувениров и смотрел, как катаются

девочки. Он видел их ошибки и горевал и сам ставил оценки бесстрашно.

— Сейямария Туукканен!

...и уже бежала в коньках на носках, став выше настолько, насколько могут поднять над землей белые ботинки с каблучком и коньками.

Мимо зеркала она мелькнула, не взглянув. Там, в зале, все дышало музыкой и льдом, и музыка летала по залу, касаясь льда носком ботинок с коньками. Матово было смазанное лицо судьи — так это видишь в беге по-над бортиком. Пустыми казались трибуны. Далеко еще волна, стремя-

щаяся к линии прибоа. Когда она, достигнув берега, расплещется, мир остановится: на трибунах зашевелиятся лица, на табло вспыхнут цифры. Оживет голос диктора, и кто-то другой выйдет на лед, покатается у выхода, пока не назовут его имя и в радиорубке включат его музыку.

— Смотрите,— воскликнул Орлов,

когда Сейямария скрылась,— это Светка наша. Эх, ногу близко поставила!

— Как?

— Как? — шепотом закричал Орлов, не отрывая глаз от льда. — А так, что ей надо было на «флипе» ногу не так близко ставить, тогда бы и «ритбергер» получился.

Он возмущенно и расстроено промолчал до конца и в конце поставил Светлане Трофимовой четыре и три десятых балла за технику исполнения. «Не больше, а за артистичность — 4,7». Он был строг, но справедлив, и судьи не могли с ним не согласиться.

— Он злой,— это сказала тренер Марина. — Я с ним устала. Он странный. Он добрый! Наверное, он даже меня любит. Но я с ним мучаюсь. Я его спать укладываю по часу. Он может уснуть прямо в «олимпийке».

Марина не знала про открытку. «Несознательный» Орлов мучил ее тем, что она должна была ежедневно разбираться в его характере, тем, что она до сих пор не могла понять Орлова. «Другие в десять лет сознательные, а ему уже тринадцать!»

Иногда Орлов хандрил. Он уезжал в угол и ковырял лед носом конька. Раскатывался к концу тренировки и

тогда прыгал почти перед машиной, чистившей лед. Марина кричала, чтобы он ушел, он прыгал, делая вид, что не слышит. Марина готова была зареветь. И хореограф успокаивал Марину. Орлов ездил на соревнования, любил элемент «кораблик» («Который у него не получается!» — воскликнула Марина) и уставал: жизнь его принадлежала спорту, но Марина напрасно пока ждала от него взрослой надежности.

Марина знала сильное средство воздействия. Она говорила устало: «Все, Орлов, сдавай коньки» — и Орлов пугался, не уходил со льда, его непонятная задумчивость исчезала, он начинал злиться на самого себя, он сам начинал мучиться, прыгал, прыгал... Взрослее становился?

— Фантазер он, — сказала Марина. — Он еще про Африку не рассказывал? Что с ним будет?

— Как что, «буду кататься».

— Всю жизнь? Да? — сказала Марина. — Это все не смешно. Он «сальков» прыгал, а я в том, его возрасте ничего не умела. Они все сейчас рано прыгают «сальков»...

...Тут «откатали» другие — шло выступление пар — и стали надевать чехлы. Те, что «катали» прежде, сидели, еще не сняв ботинок, у бортика.

— Макс, — позвал один другого, — с окончанием.

— С окончанием.

Они сели вчетвером.

— Свинец, — сказал Макс. — Ноги — свинец.

Соревнования на сегодня кончились. Аплодисменты шли как бы за кадром. Другие, подъехав к бортику, дышали тяжело.

— Выдохни еще раз. Тяжко?

— Тяжко.

— С окончанием.

— С окончанием.

...Вот и наступил торжественный и немного грустный момент прощания с турниром. Четыре дня на льду Дворца

спорта шла острая борьба между спортсменами восьми стран. У девушек победила свердловская фигуристка Наталья Лебедева. Австралийскому спортсмену Томасу Хлавику не было равных в одиночном катании. В парном катании успех сопутствовал брату и сестре Максиму и Виктории Королевым. Так написали в газете...

С окончанием.

Выдохни еще раз.

— Смотрите внимательно, — предупредил Орлов. — Если упаду, значит, настроение будет плохое. Оно с утра было плохое почему-то, но потом раскатался.

— Ни пуха...

— К черту! — закричал он радостно. Потом поправился: — Спасибо, — и упал на последнем прыжке. Точнее, на «каскаде».

— Он счастлив, — сказала с завистью Марина. — Занял не последнее место. Мне тоже раньше было так радостно, весело, легко, я все это так любила, пока...

— Да?

— Пока не стала чемпионкой! — усмехнулась Марина. — Бывает иногда вредно это: рано.

— Я люблю резвиться. Это правильное слово. Я люблю резвиться, когда все уроки сделаны, и прошла тренировка, и, может быть, впереди целый день. Что бы я стала делать, если бы у меня впереди был целый свободный день?.. Однажды мы перешли улицу от гостиницы в Пярну и в кафе купили кучу пирожных. Мальчишки взяли себе по два, потому что им можно, а мы по полтора. И вот мы наталкиваемся на Наталью Николаевну. Бывают такие ужасные в жизни моменты, когда потом сидишь и думаешь, думаешь. И нужен друг... И вот мальчишки берут все пирожные «эклер» на себя. А потом все равно сдаемся, признаемся. Ната-

лья Николаевна ведь тоже занималась, значит, ела пирожные тайком. А однажды на «поддержке» Антон поскользнулся, и я начала падать с высоты, но Антон сам упал первым, и я не упала на лед. Фигурист, конечно, отличается от нормального человека. У него много в жизни забот, и поэтому он понимает других людей. Я никогда не буду кричать на детей, когда вырасту, и дети будут резвиться, потому что прошла тренировка. Я научусь не плакать. Вы знаете, я ведь до десяти лет не стояла на ногах, то есть на коньках, просто ужас, если кому теперь рассказать. Меня зовут Люда Марфелева, мне двенадцать лет.

— Что я люблю? — спросил Орлов и честно задумался.

— Я болеть люблю, — скучно произнес Орлов. — Лежишь себе и болеешь. Температуришь. — Ему самому стало еще скучнее.

— Или убирать в комнате, — сказал Орлов, глядя в пол. — Мама даже говорит: «Ну что ты убираешь там, где даже не видно!»

— Люблю нормальных людей, — ожил Орлов. — Тут из Австрии нормальный парень. И девчонки есть нормальные. Как знакомиться со всеми людьми? Надо разговаривать об одних и тех же вещах. Тогда поймут все люди.

— Я вот что вам скажу, — страшным голосом зашептал Орлов, — а вы хоть «Робинзона» читали?

— Давно, — сказала я.

— Я думаю: надо бы съездить в эту Африку, проверить самому. Я, конечно, этому человеку верю, он не мог соврать, но необходимо проверить.

Уже выбежали призеры, уже они сфотографировались на фоне льда и полных трибун.

И четыре дня сверкавший огнями дворец погас.

Волгоград

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА АЛЕКСАНДРОВА

После тяжелой болезни скончалась художественный редактор журнала «Ровесник» Ольга Сергеевна Александрова.

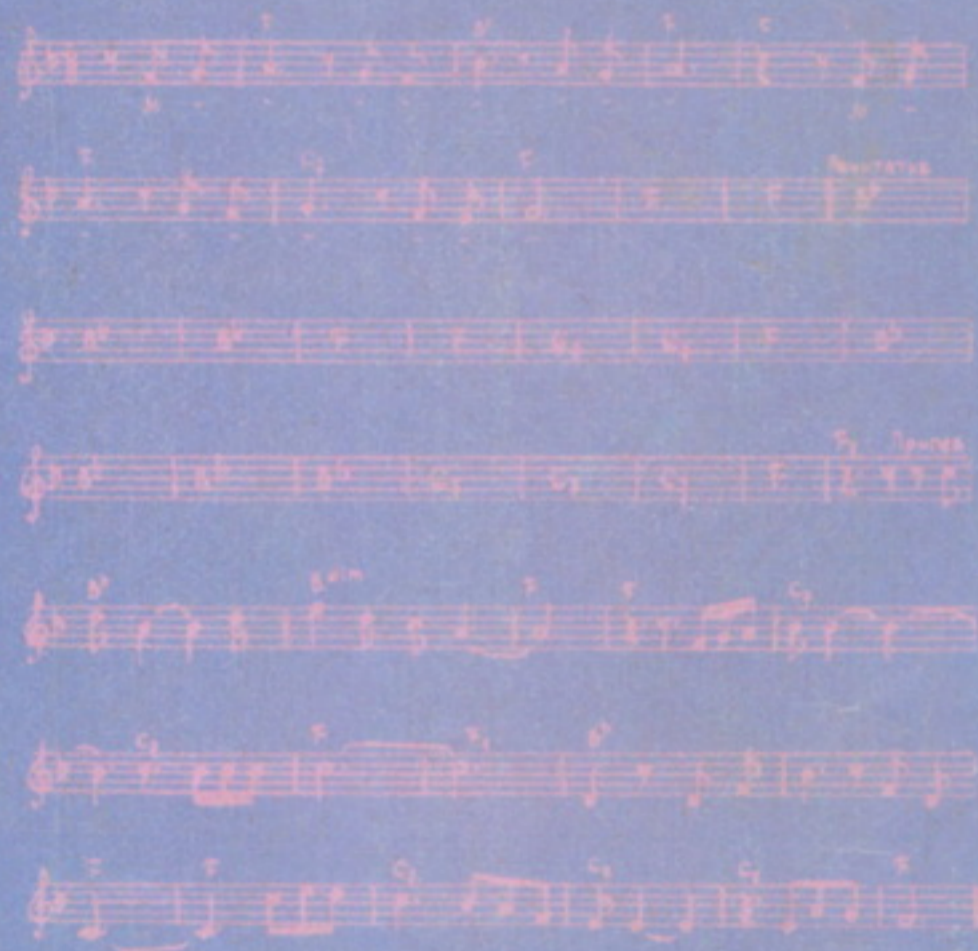
Ольга Александрова начала работать в советской печати, еще учась в Московском полиграфическом институте. «Ровеснику» она отдала последние пятнадцать лет своей недолгой жизни. Большой опыт, отличное знание издательского дела, высокий профессионализм и трудолюбие — вот те качества, которые всегда

отличали ее в работе. Пятнадцать лет «Ровесник» издавался при обязательном участии художественного редактора Александровой, и тем, что принято называть «внешним обликом», журнал в большой степени был обязан ей. Сотрудники редакции и все те, кто знал Ольгу Сергеевну, сохраняют в памяти светлое и доброе воспоминание об этом человеке, потому что светлое и доброе были главными качествами нашего товарища.

90-28

Весной 1980 года на X фестивале политической песни в Берлине прозвучали песни молодого никарагуанского композитора, поэта и певца Диего Агирре. Его творческому успеху на фестивале предшествовал трудный путь борьбы, пройденный Диего в рядах Фронта национального освобождения имени Сандино. В одном из боев он был тяжело ранен и многие месяцы, находясь в эмиграции, был прикован к постели. Только после победы никарагуанского народа в сентябре 1979 года Диего Агирре вернулся на родину. Теперь его песни знают и поют не только в Никарагуа, но и во многих странах Латинской Америки.

В песне «Мой народ», которую мы вам здесь представляем, поется (точнее, говорится, поскольку Диего Агирре исполняет ее речитативом, под гитарный аккомпанемент) о том, какие испытания выпали на долю народа Никарагуа, и о том, что народ всегда верил в победу: «Страна моя, Никарагуа, ты вновь обрела свободу, огонь свободы в сердцах мы хранили, и шли вперед, и сердца не остыли». Диего Агирре адресует свою песню всем борющимся за освобождение народам Латинской Америки.

1. Estas herido y maltratado
Tan lleno de llanto, tan lleno
de sufrimiento
Tirado a la calle.
Por los que te matan
Hero es tu gloria la lucha
Es tu grito la fe y la esperanza
De que la victoria de un pueblo
Esté en las manos de si mismo.

Припев:

Mi pueblo, mi pobre pueblo
Como desea su libertad.
Cuanta maldad te han hecho
Sin un motivo te dan muerte por
protestar.

2. Aunque lo creas mentira
Juan, Pedro, Julio y todos los demas
Nacidos en esta tierra
Somos hermanos, somos los mismos
que cargamos
En nuestras espaldas las cadenas
del llanto y del dolor
Si, somos los mismos que haremos
un paso al frente
Para verte por fin en libertad,
pueblo mio.
Vamos a reinos fuertemente del llanto
y del dolor.

Припев: